

СНЕЖНОЕ ПИСЬМО

Перевод Е. Акбальян

ДОРОГА

Наш «Ил» сделал круг над Торткулем и теперь быстро набирает высоту. В иллюминатор мне видно крыло самолета. Оно качнулось, ушло вниз, снова поплыло кверху... Я прижимаюсь лицом к стеклу и вижу внизу огромное глиняное блюдо. На нем — серые и белые кубики домов. Чьи-то невидимые ручки подхватили блюдо и наклоняют то в одну, то в другую сторону. Сейчас домики двинутся в одну сторону и посыплются с блюда...

Но вот ручки перестали наклонять блюдо. Плоское, серое, оно медленно уходит вниз, делаясь все больше. А то, что лежит на блюде, становится все меньше: деревья уже превратились в кусты, улицы — в узкие полоски, домики стали совсем игрушечными.

Рассматривая их, я чуть не вскрикнул: вон папина больница, а вон, рядом с нею и наш дом!

Ну, раз уж я заговорил, дорогие читатели, о доме, то давайте знакомиться. В школе зовут меня Сагындык-поэт. Почему? — спросите вы. Не люблю тянуть, скажу коротко: потому что я решил стать писателем!

Я читал кое-что из жизни писателей. Они выходят или из больших городов, или из красивых кишлаков, расположенных в живописной местности. А наш Торткуль не назовешь большим городом. Особенно сейчас, сверху. Но это все же и не кишлак. Районный центр! Есть даже свой аэродром — вон его серое блюдце. Именно с него, разбежавшись по

асфальтовой полосе, только что поднялся наш «Ил», Центр Торткуля... Взгляните, какие дома... С высоты больница кажется детским кубиком, а на самом деле у нее — три этажа. На втором — кабинет отца. На двери табличка: «Главный врач».

А хорош все-таки наш Торткуль, его окрестности. Взгляните в иллюминатор: вон, изгибаясь, течет Амударья. Сейчас она кажется не шире арыка, но всем известно, что это большая река. Весенняя вода ее и отсюда желтого цвета — от глины... А тугаи по берегам! Сверху они пушистые, как рыжий мех лисы. На самом деле это густые, местами непроходимые заросли камыша и колючего кустарника. Теперь, когда мы поднялись достаточно высоко, видно, сколько места занимают посеы хлопчатника. Пока это просто серые поля. Но оглянуться не успеешь, как на них зазеленеют всходы. А там, поднимая клубы пыли, по полям пройдут культиваторы и оставят длинные, ровные, как по линейке, борозды. И если тогда посмотреть в иллюминатор, земля будет зеленой и полосатой, как арбуз.

Видите: и город у нас приличный, и места неплохие. И разве необычное явление, если в Торткуле появится свой писатель...

Хотя пока, может, и не появится. С некоторых пор я остыл к писательскому делу. Сами посудите! Вы день и ночь мечтаете стать писателем, о ваших стихах и рассказах знает вся школа, за вами гоняются и стенгазетчики, и председатели советов отрядов, и вожатые: «Напиши о таком-то двоечнике!» «Колхоз выполнил план по хлопку! Надо прочитать на митинге стихи!» Упрашивают. Умоляют. А Мукаддам-апа, наш классный руководитель, вдруг вызывает в учительскую: «У тебя плохо с отметками. Прежде всего учение, потом поэзия!».

Тут, как назло, в комнату входит учитель географии Курбан-ака. И сразу догадывается, о чем разговор.

— Именно! — говорит он, подходя. — Поэт не может быть необразованным человеком! Он должен знать и любить свою землю. А у тебя по географии родного края двойка!

— Ц-ц-ц, — качает головой Мукаддам-апа, а глаза ее смотрят на меня с таким укором...

— И что удивительно,—говорит ей Курбан-ака. — Спросите его о животном мире, о природе Африки или Австралии — это он знает лучше всех в классе! Доклад, помню, делал: как расписывал джунгли! Действительно, поэт... Я поставил ему пять с плюсом.

Теперь они оба глядят на меня и качают головами.

А что тут удивительного? В четвертом еще классе отец привез мне из Ташкента диафильм о животных. С тех пор я вырезаю из журналов фотографии диких животных разных стран. У меня вся стена над письменным столом увешана их «портретами» (надо сказать, я еще и фотограф неплохой и удачно переснимаю животных).

Теперь, я думаю, понятно и другое: почему рассказы я пишу об охотниках и далеких путешествиях, или о полетах на неведомые планеты, где еще сохранились доисторические животные. Кому интересно писать о том, что и так, надоедая, каждый день торчит перед глазами?

Но почему же тогда из журнала, куда я послал свои лучшие произведения, мне ответили: «Дорогой Сагындык! Это хорошо, что ты решил стать писателем. Нам понравились твои стихи из школьной жизни. И в рассказах слог неплохой. Но есть у тебя большой недостаток: ты пишешь о том, что сам не видел, не перечувствовал, не пережил. Наш совет тебе: попробуй описывать то, что хорошо знаешь, что крепко запало тебе в душу».

Как знать? Может быть, я еще раздумаю бросать писать. Тогда сделаю так, как советует журнал: возьму какой-нибудь случай из своей жизни... Вот только что выбрать? Случаев у меня сколько угодно, но все они кажутся малоинтересными.

Захочу, опишу эту мою поездку...

Ладно, потом решим. Каникулы сейчас, и мне хочется думать об отдыхе и развлечениях. Тем более, что я едва не лишился всего этого...

А было вот как. Родители давно обещали мне, что весной я поеду погостить к своему другу Асету, в Муйнакский район. Но так случилось, что на классное собрание по итогам четверти пошла не мама, а отец. Ну, он и узнал про эту несчастную двойку по географии. Если бы в школу пошла мама... Она

всегда так ласкова со мной. Только и слышишь: «Золотко мое» (а все потому, что я — с рыжинкой). Отец же очень строго спрашивает с меня.

В этот раз, придя с собрания, он был очень сердит. С порога заявил, что ни о какой поездке к Асету речи быть не может. Я чуть не заплакал. А моя схидная сестрица Фирюза захлопала в ладоши. Мама сказала с сожалением: «Как же так получилось, золотко мое...»

Как, как! Не мог же я сказать ей, что мне просто некогда было учить эту скучную географию: я как раз сочинял рассказ о приключениях охотников, заблудившихся в самом центре Африки...

Да, грустные были бы у меня каникулы. Но тут Махфузе, нашему председателю совета отряда, вздумалось в последний день четверти провести заседание. Мы, ворча, уселись за парты. Но Махфуза была непреклонна и заявила, что дальше нельзя терпеть такого безобразия. В классе до сих пор не выбран почетный член отряда. В седьмом «А» есть, в трех шестых — тоже, только мы никак не можем договориться.

И у нас начался, как всегда, спор. Первым поднялся тощий, долговязый Урунбай. У него всегда есть готовое решение.

— Предлагаю выбрать тетушку Чинныхон из колхоза «Коммунист», — сказал он. — Механизатор, в нынешнем году собрала сто шестьдесят тонн хлопка.

— Не подходит! — заявил Самад-хитрец (этот всегда против), — Герой Социалистического Труда нужен.

— Не обязательно! Звезду могут дать не сегодня-завтра.

— Я не против тетушки Чинныхон, — сказала Махфуза. — Только...

— Что «только»? — заранее обиделся Урунбай (он всегда обижается, если его предложение отклоняют).

— Все почетные члены отрядов в нашей школе — хлопкоробы. А других героев что ли нет? Среди скотоводов, например.

— А у рыбаков?

— Правда, еще ведь есть рыбаки.

И тут меня осенила поистине счастливая мысль! Честное слово, в несчастьи голова работает гораздо лучше. Я вскочил с места и закричал, перебивая спорящих:

— Есть подходящий Герой! Предлагаю выбрать рыбака из Муйнакского района Калли-ата Шамуратова!

— А откуда тебе известно, что он Герой?— подозрительно спросил Самад-хитрец.

— Газеты надо читать, Самадбай,— сказал я. — Калли-ата — знаменитый в республике человек.

И я рассказал: в колхозе, где он возглавляет бригаду рыбаков, у меня есть друг, Асет. Отец его тоже доктор, учился вместе с моим папой в Ташкенте. Однажды дяде Джапаку пришлось прямо на сейнере, посреди Аральского моря, вырезать у Калли-ата аппендицит. И теперь прославленный Герой — частый гость в доме своего спасителя.

Мой рассказ всех заинтересовал.

— Ну, как решаем?— спросила нетерпеливая Махфуза. — Подходит предложение Сагындыка?

— Подходит!— закричали все.

Против выступил один Самад-хитрец.

— Где этот самый Муйнак, а где мы... Было бы недалеко, тогда другое дело,— бубнил он. — Допустим, мы выбрали. Должен же человек узнать об этом?

— Что такого?— пожал плечами Урунбай. — Письмо напишем.

— Эх, будь моя воля, я бы съездил к нему!— вздохнул Разык.

У Разыка десять младших сестреноч и братишек, и его помощь всегда нужна дома. Я посмотрел на него с нежностью. Так и сделаем, Разыкбай, съездим. Только не ты поедешь, а я, сам. Именно в этом и заключалась моя счастливая идея.

— Съездил бы,— вяло засмеялся Самад. — Говорить легко...

— Пусть совет отряда поручит это мне!— сказал я. — Асет давно зовет меня в гости. А раз такое важное дело...

— Хорошо, пусть едет Сагындык,— решила Махфуза. — Кстати, у меня родилась еще одна идея.

И у нее идея?! Все повернулись к ней:

— Пусть Сагындык возьмет с собой фотоаппарат. Сделает снимки — для фотогазеты. Тема? Хотя бы такая: «Изучай свой край». У Сагындыка тут как раз серьезные пробелы...

И тараторка сверкнула в мою сторону хитрым взглядом.

— Договорились,— буркнул я.

Мы стали подниматься из-за парт. Но Махфуза потребовала, чтобы мы сели на место. И мы сочинили письмо Асету, вернее, совету отряда с просьбой помочь мне в столь ответственном деле.

Наконец Махфуза истощила свою энергию. Но тут все принялись энергично давать советы мне:

— Галстук не забудь, шелковый. Повяжешь Каллиата на шею.

— У меня есть пленка, хорошая. Хочешь, принесу?

— Одевайся теплее, там еще холодно.

— А телеграмма?! — спохватилась Махфуза. — Нужно дать телеграмму Асету, чтобы он встретил Сагындыка!

Но я сказал, что телеграмму отправит мама.

В общем, советов было хоть отбавляй. Никто, однако, не дал самого нужного: как убедить отца, что мне необходимо поехать в Муйнакский район.

Но меня недаром зовут Сагындык-поэт. Послушали бы, какими словами описал я родителям важность данного мне поручения! Какие клятвы давал, что исправлю географию. Сразу после каникул! На пятерку! Мама тоже просила отца, чтобы он смягчился, не портил ее солнышку весенний отдых. К тому же, сказала моя хитрая мама, можно обидеть отказом семью Асета.

Мне был куплен билет, Асету — послана телеграмма. И теперь я летел к нему — на двух самолетах, с пересадкой в Нукусе.

Пересадку опусывать я не стану, разве только пожалуюсь на то, что у меня был слишком тяжелый, надоевший рюкзак, который пришлось тащить через все летное поле.

Дальше мне предстояло лететь на «Аннушке» — самой обыкновенной, с крыльями в два этажа. Только у этого самолета вместо колес широкие деревянные полозья. Кое-как поднявшись с рюкзаком по короткой железной лесенке, я протиснулся внутрь его. Сел на жесткую скамью. Рядом и напротив разместились пассажиры: нас оказалось всего восемь...

Пилот убрал лесенку внутрь, захлопнул дверь. Затарактел мотор, быстрее и быстрее завертели лопасти пропеллера. Кто-то будто дернул сиденье подо мною — это двинулся, подскакивая на своих лыжах, самолет. Наконец заскользил плавно. Уже оторвались? Но что там снаружи, не разглядеть: окошки в

мохнатой изморози. И разговоров не расслышать: пассажиры беззвучно раскрывают рты, а больше объясняются знаками.

Отвлечься мне не на что, поэтому я сижу и волнуясь: вдруг Асет не получил телеграммы? От аэродрома до их поселка километров шесть. Что если меня никто не встретит? На аэродроме есть, наверное, дом для приезжающих, соображаю я. А если нет? Пойду с попутчиками, решил я. Не бросят же они меня одного, в темноте.

Я стал присматриваться к сидящим напротив пассажирам: женщине с ребенком, старику, у ног которого лежали хурджумы, двум девушкам со связками книг, старушке в толстом платке, которая спокойно дремала под грохот мотора. Но вот она открыла глаза: самолет трянуло, послышался глухой рокот, ударило раз, второй — и все заулыбались, закивали головами.

Как, уже прибыли?!

Самолет, пробежав невидимое расстояние, остановился. Наступила гулкая тишина. Из кабины вышел летчик, открыл дверь. Внутри ворвались клубы морозного воздуха.

— Совсем темно, — удивилась одна из девушек.

Летчик приладил лесенку, и мы стали выходить. Спускаясь, я схватился за дверной косяк. Раз! — и моя рука прилипла к железу. Примерзла! Я охнул, отдернул руку и неловко спрыгнул на снег. Темень, колод лютый! Вижу — все направляются к темнеющему поодаль строению. Я заспешил следом, но меня окликнул знакомый голос:

— Сагындык!

— Асет, ты?!

Сказать правду, я страшно обрадовался! Мы обнялись. И только тогда я заметил, что позади Асета стояли двое ребят.

— Это Байтемир и Сафаргуль, — сказал Асет. — Они тоже приехали встретить тебя.

Пока я здоровался с ребятами, Асет стащил с моих плеч рюкзак.

— Пошли!

Я оглянулся: из прилетевших со мной уже никого не было. Но Асет повел меня совсем в другую сторону. Я послушно шагал за ним в темноте. Вдруг смотрю — сани, одноконные, в них настелено сено.

— Залезай,— пригласил меня Асет.

Мы уселись втроем, и Асет прикрыл нам ноги тулупом.

— А с меня и того довольно, что на мне, — сказал он, садясь вперед и разбирая вожжи.

Сани тронулись и заскользили, приятно поскрипывая снегом.

ЗНАКОМСТВО

Солнце поднялось на высоту тополя. По небу плывут клочья облаков, поэтому оно похоже на истрепанное ватное одеяло. Кругом бело: ночью выпал снег, и его кристаллы слепят глаза.

Вчера в темноте здешние места показались мне голой степью. А сегодня вижу — совсем не так. Вдоль дороги растут тамариск, низкорослый осокорь, разросшиеся кусты чия напоминают взрыв. Таких взрывов вокруг десятки — будто в степи идет бой.

Мы едем с аэродрома. Только что посадили на самолет тетушку Айгуль, мать Асета, и теперь едем домой при свете дня — как будто специально для того, чтобы я мог все разглядеть.

В руках у Асета длинные вожжи, и он то и дело взмахивает свободным концом. И тогда гневой прижимает уши, рвется вперед, вместе с храпом выдыхая белые клубы пара. Асет молчит, хмурится: он обиделся на мать. Я понимаю его: тетушка Айгуль точно в-точь как моя мама. Сама летит в Нукус на совещание учителей, но душа ее остается с Асетом, со мной. Все торопится к самолету, а она остановилась посреди поля и зовет нас. Забыла сказать что-то важное? Мы подбегаем.

— Я вернусь через два-три дня, — в десятый, наверное, раз сообщает тетушка Айгуль. — Вы тут не шалите, не огорчайте бабушку.

Пассажиры уже в самолет поднимаются, а она спешит перебраться все проделки Асета: и бабушку-то он не слушает, и сестренку обижает, и бродит где-то целыми днями. Все перебрала.

Поэтому Асет молчит и хмурится.

Мне интересно смотреть по сторонам. Вон, на краю степи, темнеют какие-то постройки.

— А тут, кроме вашего, много еще аулов? — спрашиваю я. (Мне хочется отвлечь Асета).

— Есть несколько, за озером Круглым. Их жители занимаются рыболовством.

— А вода откуда в Круглом озере?

Я боюсь, что Асет опять замолчит надолго.

— Из Амударьи.

— Разве она не в Аральское море впадает? — изумляюсь я.

Асет смеется.

— Правильно, Сагындык, в Аральское. Но ты забыл, что ближе к морю река разделяется на несколько рукавов: Кипчакдарья, Куньядарья, Акдарья. Наш аул на берегу Акдарьи.

Мне досадно, что я попал впросак. И я с упреком думаю о Курбане-ака, нашем учителе географии. Мог бы получше объяснить нам про рукава Амударьи. А то я ничего не запомнил...

— Что-то я никакой реки у вас не заметил, — говорю я Асету.

— До нее близко, два километра. Летом мы каждый день туда ходим.

— Купаетесь?

— Ага.

— А рыбу ловите?

— И в реке, и в озере. Сейчас на реке лед, но и подо льдом рыбку добыть можно.

Рассказывая, как они рыбачат, Асет заметно повеселел. Мы тем временем въехали в поселок. У калитки кинулся под копыта коню Бурибасар, огромный и лохматый пес Асета. Запрыгал вокруг саней, хрипя от злости и захлебываясь лаем. Я не спешил сходиться с саней.

Асет усмехнулся:

— Не бойся, он не тронет.

И все-таки я с опаской спустил ноги на землю. Бурибасар подбежал, стал нюхать полы моего пальто. Но Асет прикрикнул на него, и пес, поджав хвост, скрылся под навесом.

Пока Асет распрягал лошадь, я разглядывал все вокруг. Низенькие, с плоскими крышами дома далеко разбросаны друг от друга. Возле каждого — плетенный из веток и лозы загон для скота и непременно — стог сена. Стог обьеден снизу и напоминает гриб с большущей белой шляпой. Но пахнет в ауле не скотом,

а рыбой. Поодаль от домов на вбитых в землю кольях развешены рыбацьи сети, похожие на огромные гардины из тюля. Рядом одна или две лодки, перевернутые вверх дном (или полные снега, если забыли перевернуть)). К дому Асета прилепилась еще и пристройка. Дверь в нее приоткрыта, и я вижу развешенную рядами янтарно-желтую рыбу. Точь-в-точь вяленые ломти дыни.

У меня так и потекли слюнки.

— Э, Сагындык!

Я вздрогнул, будто меня поймали на месте преступления. Обернулся: Асет наблюдает за мной, улыбается.

— Идем чай пить!

Мы вошли в дом.

— Вернулись, верблюжата мои! — засуетилась бабушка Асета. — Посидите, у меня вот-вот пшенный суп сварится. Эй, Асетджан, принеси гостю рыбки, пусть отведает.

Асет вышел. Бабушка хлопотала возле очага. А я не спеша осматривался (вчера ничего не успел разглядеть).

Странно! Когда смотришь на такой вот низенький дом снаружи, можно подумать, что люди тут живут очень бедно. А оказывается, нет, совсем не так. В доме у Асета уютно, чисто, ковры на стенах, в одном углу комнаты радиоло «Неринга», в другом — телевизор (он здесь принимает даже Баку!).

Вот только потолок непривычно низкий. Но и этому есть объяснение: такой потолок лучше сохраняет тепло.

Вернулся Асет, положил передо мной золотую рыбину в полметра длиной. Смеется надо мной, что ли?

— Я же не съем столько!

— А ты попробуй, съешь кусочек, — говорит Асет и режет рыбину на крупные куски.

Рыба оказалась, и правда, очень вкусной. Но съесть ее всю я, конечно, бы не смог, хотя Асет угощал меня, как самый радушный хозяин.

Тут бабушка внесла косы с пшнным супом. Я попробовал — ох и вкусно! Умела бы мама варить такие кушанья, не сердилась бы, что я плохо ем.

С улицы кто-то позвал Асета. Он глянул в окно, махнул, приглашая войти. Объяснил:

— Ребята!

Вошли Байтемир и Сафаргуль, а с ними еще один их одноклассник — Сеит. Сели к дастархану, Асет положил перед каждым по куску рыбы. В дверь заглянула бабушка и очень обрадовалась:

— Вай, молодцы детки! Сейчас принесу вам кушать!

Скоро перед ребятами дымились косы с супом. Чтобы не мешать нам, старушка вышла из комнаты. На минуту установилась неловкая тишина. Байтемир, помешивая ложкой в своей косе, чуть приметно толкнул Сеита. Но тот дернул плечом:

— Пусть Сафаргуль скажет.

Видали! Кажется, и у них тоже делами заправляет девчонка.

Сафаргуль кивнула — степенно, как взрослая. И повернулась ко мне:

— Асет сказал, у тебя дело к нам?

Я вытащил из кармана письмо и протянул через дастархан Сафаргуль.

Та стала читать и вдруг хихикнула. «Что могло рассмешить ее?» — с беспокойством подумал я.

А Сафаргуль с лукавым видом передала письмо Байтемиру. Тот стал читать вслух. Я тоже слушал: ничего смешного в письме нет. Но когда было названо имя Калли-ата, все опять заулыбались, переглянувшись. Не понимая, в чем дело, я насупился.

— Тебе очень повезло, Сагындык, — сказала Сафаргуль, и на щеках ее опять появились ямочки. — Как раз завтра у нас в школе встреча с Калли-ата!

— Там и познакомим вас, — подхватил Байтемир таким тоном, будто именно он устроил эту встречу. — Дадим тебе слово, и ты все скажешь, по поручению своего отряда.

— И галстук повяжешь, да? — спросила Сафаргуль.

Я кивнул. И вдруг обрадовался так, словно поручение мое было уже выполнено.

— Да, кстати, — обращаясь к Асету, заявила Сафаргуль. — Пусть Сагындык запишет на бумажке то, что собирается сказать. Может, вы вместе напишете?

Меня задело ее слова. Но Асет подмигнул мне:

— Сагындык — поэт, и сам справится — лучше не надо!

Мне было приятно, что он при всех назвал меня так. Чуть заметно я кивнул в знак согласия.

Все поднялись, заговорили свободнее, веселее.

— Ну, куда пойдём? — спросил Сеит.

— Покажем Сагындыку реку? — предложил Байтемир.

— А чего там интересного — лёд и лёд.

— Пошли на горку, — сказала Сафаргуль. — Пусть Сагындык посмотрит на дела нашего отряда.

— На санках покатаемся, — обрадовался Байтемир. — Асет, тащи свои санки.

Я достал из рюкзака и повесил на шею фотоаппарат.

...Горка оказалась на краю аула. Склон большого, покрытого снегом холма, одноклассники Асета залили водой. (Сколько же ведер они перетаскали?!). На горке полно малышей. Один по ступенькам тащит санки наверх, другой вихрем летит вниз, третий, видно, перевернулся, отряхивается в сторонке и ревет. Шум, гам!

Нам бы такой холм, вздохнул я. Мы бы тоже сумели его использовать. Да разве в нашей плоской стороне найдёшь что-нибудь подобное?

Байтемир взял у Асета санки и поднялся наверх по вырубленным сбоку ступенькам. Вскоре он пулей пронёсся мимо, но я успел сфотографировать его. И, передав аппарат Асету, сам забрался наверх. Лег на санки ничком, оттолкнулся и... опомнился далеко внизу. Вот это скорость! Дыхание перехватывает!

...Катались мы до сумерек. Когда шли домой, я спросил ребят:

— А ещё какие игры у вас есть?

— Ух-ху, игр много, — сказал Сеит.

Ребята стали наперебой перечислять: лапта, волейбол, горелки, футбол...

— Так это весной и летом. А зимние?

Они недоуменно переглянулись.

— А в вашей стороне? — спросила Сафаргуль.

— Ну, есть, например, игра в снежное письмо...

— Снежное письмо? Как это? — ребята остановились, окружили меня.

Я понял: у них такой игры нет и обрадовался, что могу рассказать о ней.

— Замечательная игра! Вот выпадет снег, да? В тот же день садись и пиши кому-нибудь письмо. А в нём — несколько условий, которые обязательно нужно выполнить.

И я стал объяснять довольно-таки строгие правила игры: письмо должно быть написано стихами, и отдать его нужно как бы ненароком. Не сумел отдать незаметно, сам выполняешь свои условия. Об одном я не стал говорить: такие письма вообще-то пишутся, когда выпадает первый снег. Но мы не соблюдали этого правила. Снег пошел — мы начинаем писать. И, конечно, в условиях — не только устроить угощение, как это принято у взрослых. Мы включаем в условия все, что положено делать пионеру. Например, подмести у какой-нибудь старушки двор или очистить от снега крышу. Или взять на буксир отстающего ученика... Бывает и такое задание: расколоть пенек на дрова.

Судя по вопросам, моим новым друзьям игра в снежное письмо понравилась.

За разговорами мы и не заметили, как стемнело. Только почувствовали — стало холодно. Уже и скот пригнали с пастбища, в разных концах аула лаяли собаки, а нам не хотелось расходиться.

Наконец, попрощавшись с ребятами и таща за собой санки, мы с Асетом пошли домой.

СНЕЖНОЕ ПИСЬМО

Утром вышли умываться во двор, а там идет аистовый снег. Крупные хлопья кружатся в воздухе и опускаются на землю тихо, будто птичий пух. Земля, небо, дом, деревья — все бело. Я переступил порог и точно в вату провалился. Асет под навесом уже звякал носиком умывальника. Я невольно поежился: вода, наверное, как лед!

Но это дома можно ломаться, а здесь я в гостях.

Стараясь попасть в его следы, я прошел к Асету. Он уже вытирался.

— Сейчас принесу твое полотенце!

Несколько скачков — и Асет исчез за дверью.

Я смочил кончики пальцев, наспех сбрызнул лицо и побежал к дому. Но Асет уже вышел мне навстречу. Пришлось вытираться, отоя у порога и дрожа от озноба.

— Что, холодно? — ухмыльнулся Асет.

— Да-а...

— Одевайся и выходи, сейчас согреемся.

Я прошел в дом, надел ушанку и пальто. Выхожу, а Асет стоит посреди двора с лопатой из фанеры.

— На, держи! Себе я возьму у Байтемира.

Убежал и тут же вернулся — с широченной лопатой. Снег был свежий, сыпучий, и мы в один миг сгребли его в большую, как ворох хлопка, кучу.

Куда девался холод? Я даже вспотел.

Тут бабушка позвала нас в дом, завтракать.

— А папа где? — спросил Асет, громко отхлебывая чай из пиалы.

— Отец твой, бедняга, даже чаю не успел выпить, — сказала старушка. — За ним Калли-ата приезжал — чуть свет.

— Калли-ата? — переспросил Асет и посмотрел на меня.

Видали! Человек, которого я разыскиваю, был здесь! На дом, можно сказать, пришел. А я спал в соседней комнате... Пусть не поговорить, хотя бы посмотреть на него. Ладно, сказал я себе, через час его и так увижу — в школе.

Подумал об этом, и сердце у меня забилося. Не так-то просто держать речь перед целым залом. Даже если все записано на бумажке.

— Идем уже, ага? — спросил я Асета, торопливо допивая чай.

Асет молча кивнул.

Одеваясь, я еще раз нащупал в кармане написанное вечером выступление. И — шагнул за порог.

Было приятно прошагать расчищенным собственными руками двором. Но за калиткой лежал глубокий снег. Едва намеченная тропка повела нас к школе...

Бах!

Что-то больно ударило меня в спину. Не успел я сообразить, откуда напасть, как в нас полетели новые снежки. Их, пригибаясь в арыке, лепили и с хохотом кидали ребята. Я сразу узнал их: это были Байтемир, Сеит и Сафаргуль. Мы тоже стали лепить и швырять ответные снежки. Так и шли до самой школы, перебрасываясь белыми снарядами.

В школьном дворе долго отряхивали друг друга. Сафаргуль, довольная, то и дело хихикала. У нее как-то по-особенному горели глаза. Похоже, она такая же вадира и хохотушка, как наша Махфуза. И тоже председатель совета отряда.

— Можно спросить тебя? — сказала Сафаргуль. И опять, не удержавшись, хихикнула. — Снежное письмо в руки надо отдавать или можно просто сунуть в карман?

— В руки надо. А что?

— Да так...

И Сафаргуль, не в силах больше сдерживаться, звонко рассмеялась.

— Чего это ты все смеешься сегодня? — заинтересовался Асет.

— Да ничего особенного, — объяснил ему Сеит. — Кто-то незаметно опустил ей в карман письмо.

— Какое письмо?

— Снежное, конечно!

— Да ну? — удивился Асет. — А условия какие?

— Секрет, — лукаво сказала Сафаргуль.

— Какой-такой секрет, если даже Сеит знает?

Дай и мы посмотрим, — стал упрасивать ее Асет.

— Ладно, пусть прочитают, — важно разрешил Сеит.

Но Сафаргуль заупрямилась:

— Письмо мне написано? Не дам!

Она заставила Асета долго упрасивать себя! Мне тоже было любопытно, но я старался не показать этого.

Зазвенел звонок, приглашая всех в здание школы. Мы вошли, разделись. В коридоре было полно ребят. Проталкиваясь сквозь толпу, Асет все еще просил Сафаргуль показать письмо. Но она отмалчивалась. И лишь в дверях, когда мы уже входили в зал, она вдруг протянула Асету белый конверт:

— Ладно, возьми. Еще обидишься. Положи в карман, после собрания прочитаешь.

Асет послушно сунул письмо в карман. Сеит подмигнул мне. Видно, хотел подбодрить перед выступлением. И опять у меня забило сердце. Сейчас я увижу Калли-ата, на глазах у всех этих незнакомых ребят поднимусь на сцену... Я хотел было достать листок с выступлением, но потом решил: так скажу, на память. Даром что ли пять раз повторил его перед сном?

— Вместе сядем? — спросил у Сафаргуль Асет.

— Спасибо, мне девчонки место заняли.

И она побежала в другой конец зала. Сеит и Байтемир тоже куда-то исчезли. Мы с Асетом прошли

вперед, сели на свободные места. И почти сразу в зале показались несколько взрослых. Ребята шумно встали. Я искал среди вошедших Калли-ата, но ни одного старика среди них не было.

— Нет его, — шепнул мне Асет. — Позже, наверное, подойдет.

Грузный человек с седыми висками первым поднялся на сцену. Асет опять наклонился ко мне:

— Наш завуч, Каипназаров.

А тот вдруг сказал:

— Дети! Сегодня мы должны были встретиться с нашим прославленным героем Калли-ата Шамуратовым. К сожалению, Калли-ата не смог прийти.

В зале зашумели. Послышались крики:

— Почему?

Завуч поднял руку и, дождавшись тишины, объяснил:

— Ночью в море рыбаку из бригады Калли-ата льдиной повредило ногу. Калли-ата повез раненого в больницу. Но собрание не отменяется. Послушайте, что хочет сказать вам старший пионервожатый.

Предоставив слово парню в пионерском галстуке, Каипназаров тяжело спрыгнул со сцены и на цыпочках вышел из зала.

О чем говорил вожатый, я не слушал. Мне было обидно: прекрасная речь, которую я так долго готовил, оказалась не нужна. Когда теперь я смогу встретиться с Калли-ата? Вот, не успел оглянуться, как прошли три дня. Если и дальше так пойдет, плохи мои дела. Неужели придется возвращаться домой ни с чем?! Хорошо же я буду выглядеть перед ребятами. А перед Махфузой?! И что скажет обо мне Самад-хитрец? «Болтун ты, скажет, лучше бы не брался за серьезное дело».

Нет, так не пойдет, Сагындыкбай!

Полный решимости не терять больше на пустяки ни минуты, я повернулся к Асету. А тот смеется, прикрыв лицо рукой!

— Весело тебе, — с обидой сказал я.

— Попались мы с тобой.

Он протянул мне белый конверт. Вот что я прочитал, вытащив из конверта тетрадный листок в линейку:

Имена ваши попали в это письмо,
А народная пословица гласит:
«Попал на бумагу, попал в огонь!»
Вы должны раздобыть заячье мясо,
Самое лучшее, какое годится на кавардак.
А еще — краснохвостого фазана для шилпылдыка.
Затем — из рыбы приготовить уху, да несоленую.
К фазану, подстреленному вашим отцом,
Не прикасаться,
Вы сами должны пойти на охоту
И подстрелить в тугаях зайца.
Таковы наши условия, иначе к угощению
не притронемся.
Вкусно ли невкусно,
Но приготовить еду должны сами.
И дров наколоть,
Хоть на лбу шишки набьете.
Стихи у нас получились корявые,
Но угощение должно быть чудесным.
Председательница Сафаргуль,
Сейт, Мурад и Байтемир, и другие.

Я дочитал письмо, поднял глаза и увидел Сейта и Байтемира: они посмеивались, глядя в нашу сторону. И Сафаргуль улыбалась издали, словно хотела сказать: «Ловко мы вас провели?»

— Ну, что будем делать? — спросил меня Асет.

Я пожал плечами. Мне даже жарко стало. Кто же ставит такие невыполнимые условия?! И зачем только я научил их игре в снежное письмо?! Ведь не откажешься теперь.

Я не слышал, о чем говорил вожатый, не помнил, как мы выходили из зала, одевались внизу...

На улице все еще сыпал снег. Какие-то незнакомые мальчишки и девчонки окружили нас. Откуда только они узнали, что нам передано снежное письмо?

Я стараюсь скрыть, что растерян. Асет тоже отшучивается от ребят. И все-таки мы спешим незаметно выскользнуть из их кольца.

Но кто-то, смеясь, кричит нам вслед:

— Не забудьте про угощение!..

Наконец, мы остаемся одни.

— Слушай, как же теперь будет с моим делом? — говорю я Асету.

— Каким делом?

— Ну, встреча с Калли-ата.

— А-а, — протянул он. — Вон ты о чем... С этим-то как-нибудь уладится. А вот как будем выкручиваться с письмом?

В его словах мне слышится упрек: «Не наболтай ты про снежное письмо, ничего бы не было». Я и сам ругаю себя...

Но Асет, поняв мое состояние, принимается утешать меня:

— Не огорчайся. Пойдем завтра на охоту. В тугаях полно и зайцев и фазанов.

— А рыба?

— В реке наловим. Или в Круглом озере.

Асет сказал это так уверенно, что я приободрился: может, условия письма и правда не такие уж невыполнимые.

ОБ ОХОТЕ — НИ СЛОВА!

Вечереет. Я прилег на кровать, у окна. Асет чем-то занят по дому, входит и выходит из комнаты. За дверью бабушка тихонько разговаривает с сестренкой Асета. Я смотрю в окно: мелкий снег понемногу засыпает двор... Утром мы с Асетом выскребли его, а сейчас там снова полно снега. Да и все кругом утонуло в серой хмари, а дальние предметы видятся размытой тенью.

Скучно...

И зачем я затеял эту глупую поездку? Оказаться бы сейчас дома, увидеть ребят... Подумал о ребятах, а перед глазами сразу появилась Махфуза. Молчит, улыбается загадочно. Я стараюсь задержать в воображении ее легкую фигурку. Странно! В классе я никак не могу с ней поладить. Но если ее нет поблизости, мне становится скучно...

Входит Асет.

— Эй, поэт, о чем задумался? Стихи сочиняешь?

— Да так, просто...

— Не падай духом, все будет в порядке! Попьем чаю и начнем готовить снаряжение.

Видно, Асет вовсе забыл, для чего я сюда приехал! Решил, что меня, как и его, беспокоит одно только снежное письмо. Но для меня встреча с Калли-ата важнее всякой охоты.

Мне показалось, что я выкрикнул это вслух. Я смутился. Не понимая, почему у меня такое настроение, Асет спросил:

— Ты что, охоты испугался?

— Да нет, на охоту пойдем, только...

— Никаких «только»! Завтра будет отличная пороша.

— Пороша? Что это?

— Не знаешь? — удивился Асет.

И объяснил мне: так называют только что выпавший, нетронутый снег. Когда пороша, легко охотиться: сразу найдешь дичь по следу.

— Ты считаешь, что завтра будет эта самая пороша? — с сомнением сказал я, глядя в окно: снег все сыпал — мелкий, серый, упорный...

— Обязательно будет! После снега всегда устанавливается хорошая погода.

Мне стало веселее от его уверенности.

Вошла бабушка с самоваром.

— Проголодались, верблюжата мои?

Подмигнув мне, Асет шепотом предупредил:

— Домашним про охоту — ни слова!

— Почему?

— Не пустят.

Выходит, охота — опасное дело? У меня заныло где-то под ложечкой...

Пришел дядя Джапак. Страхнул с пальто и треуха растаявший снег. Снял сапоги, прошел в комнату, устало опустился на дастархан. Пододвинув чайник, налил в пиалу немного чаю, вылил обратно, чтобы лучше заварился. И повернулся ко мне.

— Ну как, сынок, не соскучился у нас?

— Нет.

— У меня и времени не находится поговорить с тобой... А теперь вот эта беда с рыбаком...

Трудная у рыбаков сейчас пора, объяснил дядя Джапак. На реке подтаивает и обламывается лед. Льдины выносит в море, и они мешают судам. А иногда случаются столкновения. Вот и прошлой ночью: трое рыбаков из бригады Калли-ата, возвращаясь с ловли, столкнулись с большой льдиной. Кусок ее от-

ломился от удара и завалился в лодку, раздробив ногу сидевшему на веслах рыбаку. Кое-как рыбаки добрались до берега и по радио сообщили о беде. На рассвете Калли-ата увез с собой в Муйнак дядю Джапака. Тот оказал пострадавшему необходимую помощь и доставил в больницу.

— Да, трудно сейчас рыбакам в море, — повторил дядя Джапак. И неожиданно спросил меня: — А как у тебя с учением, сынок?

— Ничего, — коротко ответил я.

— Твой друг не познакомил тебя со своим дневником?

Я быстро взглянул на Асета. Тот нахмурился. Сказал, опуская глаза:

— Двойку по алгебре я исправил...

— Непоседа ты, сын, только и знаешь, бегаешь где-то. А теперь, когда мать уехала, и вовсе...

И дядя Джапак подмигнул мне:

— Сагындык, мальчик мой, ты на него не смотри, а то останешься голодным. Твой друг большой привередник в еде.

Асет молчал, не поднимая головы.

— Вот они, нынешние ребята, — продолжал дядя Джапак. — Только начнешь говорить им, уже хмурятся. Когда мы с твоим отцом учились в Ташкенте...

Все взрослые, видно, одинаковы! Сколько раз я уже слышал все это от отца: как в студенческие годы варили они один и тот же суп — с макаронами, а досыта наедались только в дни стипендии.

Я уже давно понял: эти воспоминания очень дороги моему отцу. Может быть, дядя Джапак тоже не может отказать себе в удовольствии лишний раз вспомнить о студенческих годах?

— Чем вы занимались сегодня? — наконец спросил он.

Быстрым взглядом Асет предупредил меня: «Не проболтайся насчет охоты». Я посетовал на несостоявшуюся встречу с Калли-ата.

— Сагындык специально из-за него приехал, — объяснил Асет.

Дядя Джапак удивленно посмотрел на меня. Я рассказал ему, для какого дела нам нужен Калли-ата.

— Ну и непоседы! — улыбнулся дядя Джапак.

И пообещал, что сам поговорит с бригадиром рыбаков: завтра Калли-ата придет навестить больного.

— Хоп! — обрадовался я.

Дядя Джапак лег отдохнуть, а мы с Асетом вышли в другую комнату. Шепотом, чтобы не услышали сестренка и бабушка, принялись мы обсуждать план завтрашней охоты: утром, как только дядя Джапак уйдет на работу, мы тайком отправимся к Круглому озеру. Там густые тугаи и полно дичи. А рыба плавает в реке, подо льдом. Не беда! Мы пробьем пешней прорубь и опустим в нее леску.

Так мне еще не приходилось рыбачить. Я мысленно рисовал себе картину этой необыкновенной ловли. И тут меня осенила одна идея. Я даже вскрикнул невольно:

— Эврика!

Асет приложил палец к губам и оглянулся на дверь. Я взял рюкзак, развязал его и вытащил китайский фонарик.

— Вот!

Асет ничего не понял. Просто вертел в руках фонарик, и было видно, что он ему очень нравится.

— Читал в «Пионерской правде»? — торопился объяснить я. — Рыба, оказывается, плывет на свет. Еще не понимаешь? Смотри: мы привязываем фонарик к удилищу, а лампочку на длинных проводах подвесим к леске, поближе к крючку. После этого рыба...

— Здорово! — одобрил Асет, любуясь фонариком.

— Тебе нравится?

— Ага.

— Возьми, это подарок тебе. Я привез, да забыл отдать.

— Правда? Вот спасибо!

Потом мы быстренько составили список нужных вещей: спички, перочинный нож, пешня, удочка, санки, фотоаппарат...

— Все у нас есть, — почесал затылок Асет. — Но где возьмем ружье?

— А то, что висит в соседней комнате?

Его трогать было нельзя: дома сразу догадались бы, куда мы собрались.

— Попросим-ка ружье у Байтемира, — сообразил Асет. — Он ведь тоже подписал снежное письмо. Возьмем ружье, больше веры будет, что мы сами охотились.

Оставалось проверить, как погода.

Не одеваясь, мы вышли во двор. Мороз... Я взглянул на небо и поразился: в черной вышине сияли звезды.

Асет толкнул меня локтем:

— Ну что? Разве не говорил я, что завтра будет добрая пороша!

В ТУГАЯХ

Солнце выглядывает из-за редких, подсвеченных облаков. Придавленные снегом домики аула как бы ушли в землю. Из труб поднимается дым — неохотно, словно и ему зябко на морозе. Вокруг стогов толпятся овцы и коровы и жадно поедают сено. Из ноздрей их вырывается пар.

Мы с Асетом спешим по дороге. Здесь проехали чьи-то сани, прошли две-три лошади, прошагали двое-трое пеших. Мороз больно щиплет лицо. Но одет я тепло: на мне каракулевая шапка Байтемира и сапоги дяди Джапака. Правда, они великоваты, зато я навернул толстые портянки. Асет в полушубке и лисьем треухе. На ногах у него — валенки, на плече, дулом вниз, висит двустволка. Она чертит стволами след по высокому снегу.

На крепкой конопляной веревке Асет ведет Бурибасара. Мы решили взять его с собой — на всякий случай, для безопасности. Но пес упирается, тянет назад, к дому. А тут еще к нам с лаем бросается несколько собак. Поджав хвост и повизгивая, «защитник» жмется к ногам Асета.

Слышится чей-то дружный смех. Оглядевшись, мы заметили на крыше одного из домиков трех ребят. Они сбрасывали снег.

Асет зло дергает за конопляную веревку и тянет вперед Бурибасара. Собаки все еще шумно преследуют нас, но потом, потеряв всякий интерес, убегают к своим калиткам.

Чуть подальше несколько ребят расчищают от снега чей-то двор. Другие показываются из хлева с носилками, полными навоза.

«Субботник у них, что ли»? — мелькает у меня в голове.

— Похоже, и они получили снежные письма, —

говорит Асет и с новой энергией тянет упирающегося Бурибасара.

А я совсем было собрался остановить Асета. Сказать, что из нашей охоты все равно ничего не выйдет и лучше сразу вернуться домой. Но увидел ребят и промолчал.

...Скоро мы были далеко от аула. Я остановился, посмотрел назад: по яркому снегу тянулась цепочка наших следов...

Я так замерз, что едва ворочал языком. Вот так же я не мог говорить, когда меня укусила в язык оса: хотел напиться из кумгана, а она сидела в его носике.

— Может, костер разожжем, погреемся? — наконец спросил я (у меня получилось «кофтер» и «погеемся»).

Асет взглянул на меня. Спущенные уши его маляхая покрылись инеем, и Асет усмехался, словно старик в седую бороду.

— Костер? Вот дойдем до тугаев, здесь и жечь-то нечего, — сказал он. — А ты шагай быстрее, согреешься.

И он прибавил шагу. Идти без дороги, по глубокому снегу становилось все тяжелее. Я нажимал из последних сил, но все больше отставал от Асета.

Но вот начали попадаться отдельные, засыпанные снегом деревья джиды, корявые кусты тамариска и осокоря.

Вскоре их стало больше.

— К тугаям подходим! — крикнул Асет и остановился, поджидая меня. А сам внимательно вглядывался в снег, который казался особенно белым из-за черневших там и тут кустов.

— Ну-ка угадай, чей это след? — показал он, когда я подошел.

Я склонился, рассматривая круглые следы. Похоже, кошка прошла? Тяжелая! Шла, проваливаясь в глубоком снегу и животом затирала след.

— Кошачий, — не очень уверенно сказал я.

Асет засмеялся:

— Разве кошка может быть такой длинной? Смотри: между следами передней и задней лапы чуть не полметра. Лисица это! След хвостом и заметала.

Взведя курки, Асет взял двустволку на изготовку. Шагнул по следу. Но Бурибасар, заскулив, уселся на снег. Асет дернул за веревку, но пес лег и заскулил еще жалобнее.

— Этот трус боится выстрела, — презрительно сказал Асет.

Оказалось: пес как-то вздумал облизать казан, и Асет выстрелил в него — холостым патроном, без дроби. С тех пор пес, едва увидит ружье в его руках, убегает. Или вот так, как сейчас, ложится на землю.

Положив двустволку на снег, Асет замотал веревку на шее пса и крикнул:

— Пошел отсюда!

Поджав хвост и повизгивая, Бурибасар помчался к аулу.

— Собака, которую нужно тянуть на веревке, для охоты не годится, — пояснил Асет.

Эти слова, как я понял, относились не только к Бурибасару...

Больше я не заговаривал о костре, хотя мы вплотную приблизились к тугаям.

Напав на след лисицы, Асет заторопился. Я вспотел, стараясь не отстать от него. След покружил по снежной целине и повел в тугай. А там незаметно затерялся среди множества других отпечатков. Сколько же их здесь, поразился я. Птичьих крестиков и круглых отпечатков звериных лап. Заячьих? Лисьих?

Мы углубились в заросли камыша. Метелки его белые, и стоит задеть их, на голову, плечи, за воротник сыплется снег. Гремят потревоженные стебли. Они задубели на морозе. А где-то вдалеке глухо бьют выстрелы.

Но вот Асет остановился. Стало очень тихо.

Кругом плотной стеной поднимался камыш. Я вертел головой: с какой стороны мы вошли? И как теперь отсюда выбираться?

Я растерянно взглянул на Асета:

— Мы заблудились?

— Ну да, — говорит он. А сам смеется.

Я рассердился.

— Что тут смешного? Лучше давай скорее выбираться отсюда.

— Боишься?

— Не боюсь, но... Зайцы, наверное, есть не только в тугаях.

Но Асет, ничего не ответив мне на это, двинулся дальше, в самую гущину. Заросли тут же скрыли его: только поднимались над его головой облачка инея.

Ориентируясь на эти взлетающие облачка, я ползлся следом.

Подхожу, а он рассматривает стебли камыша. Потом машет рукой — куда-то совсем не туда:

— В той стороне наш аул.

— Откуда ты знаешь?

— А камыш на что? Видишь, листья у него растут с одной стороны. С какой, а?

— Откуда мне знать?..

— Слабоват ты в ботанике, — смеется Асет. — Запомни на будущее: листья камыша всегда растут на стороне, обращенной к восходу солнца. А наш аул как раз на востоке... Значит, если пойдем в сторону, с какой растут листья камыша, мы не заблудимся. Понял, товарищ поэт?..

Я кивнул.

И мы стали пробираться дальше. Однако теперь новая мысль преследовала меня... Я знал: такие вот заросли камыша — любимое место охоты индийских тигров. Теперь мне казалось: мельком я читал в учебнике географии, что на берегах Аму тоже водятся полосатые хищники. Водятся или нет? — мучительно вспоминал я, мысленно перелистывая учебник. Нет, не помню...

Наконец, я решился задать этот вопрос Асету. Он подтвердил: да, и тигры водятся. В прошлом году в этих местах подстрелили одного.

Теперь я старался ни на шаг не отставать от Асета. А он шел, с шумом раздвигая камыши. И мне хотелось одернуть его: «Тише ты!» Но я просто спешил за ним, то и дело спотыкаясь о камышовые дудки. Сердце у меня колотилось, словно за нами и впрямь крался кто-то. Ничего, у нас ружье, успокаивал я себя. И тут, взглянув на двустволку, висящую на плече Асета дулом вниз, я почувствовал слабость в коленках. Оба курка ее были взведены!

— Асет...

— Что такое?

— Ты забыл спустить курки!

Он увидел свою оплошность, брови его растерянно поползли вверх, но он тут же сомкнул их у переносицы.

— Э-э, вон ты о чем... — Он деланно улыбнулся и так, с взведенными курками, пошел дальше.

— Спусти!.. Вдруг заденет за камыш...

— Такую панику поднял, — стараясь казаться равнодушным, проговорил Асет. Но курки все же спустил.

Пока мы препирались, упустили дичь. Впереди зашуршало, и прежде чем мы успели испугаться шороха, стена камыша выстрелила прямо по тяжелой птице. Наши сердца чуть не лопнули от ужаса. Я отпрыгнул назад, Асет дрожащими руками сорвал с плеча ружье.

Птица пролетела немного (я смог оценить красоту ее оперения) и канула в камыши. Чуть качнулись стебли, обозначая ее пробег по земле. И все — она затаилась, исчезла.

— Ну вот, одного жирного петуха мы упустили, — сердито сказал Асет. Теперь в метре от него пройди — не шелохнется. А были бы курки взведены...

Но голос его еще дрожал от испуга. Я промолчал.

Камыш стал заметно редеть: мы выходили из тугаев. И сразу услышали неподалеку крики охотников и лай собаки.

— С борзой охотятся, на зайца, — глядя в сторону звуков, объяснил Асет.

Мы увидели, из тугаев, взбивая тучи снега, вырвались два всадника. Они скакали, размахивая камнями и обгоняя один другого. И что-то кричали — наперебой.

— Смотри! — крикнул Асет. — Вон впереди борзая!

Я и сам уже видел ее — желтую, длинную собаку, странно вытянутую в бешеном беге. А перед ней по снегу катился грязный комок. Заяц?! Сейчас она догонит его!

Замерев, я смотрел на жуткую погоню.

Но в самый последний момент зайчишка вдруг отпрянул в сторону.

И борзая пронеслась мимо. Но тут же затормозила — всеми четырьмя лапами, подняв клубы снежной пыли. И тоже бросилась в сторону.

Но заяц был уже далеко. Странное чувство охватило меня: я желал зайцу спасения, и мне было досадно, что борзая упустила его.

— Никудышная борзая! — расстроился Асет. — Хорошая собака не упустит зайца. Догонит и собьет передними лапами. И схватит, не дав ему опомниться.

Крики охотников удалялись. Мы пошли вдоль тугаев. Я думал: «Если зайцы так бегают, нам никогда не добыть ни одного». И все-таки на душе стало легче: мы выбрались из тугаев, близко люди... Страж мой прошел.

И тут мы буквально споткнулись о заячий след. Асет наклонился, рассматривая его, и, просияв, заявил:

— Совсем свежий!

Боясь кашлянуть (а как назло очень хотелось), мы двинулись по следу. Он хитро петлял снежной целиной: привел к кусту травы, похожей на полынь, повернул обратно... И вдруг — исчез! Нет, сначала заяц топтался на месте, поворачивался в одну, в другую сторону. А дальше? В землю зарылся? Махнул в небо? Куда он мог деться?

Асет взвел курки и тоже начал поворачиваться на одном месте. Он внимательно всматривался в окружающие кусты.

— Где-то здесь должен быть, — шепнул он. — Скакнул и залег.

Я тоже процупывал взором каждый бугорок снега. Глаза не спеша переходили с предмета на предмет, а сердце стучало, как бешеное.

Сейчас! Сейчас я его увижу!

И вот, когда мне и дышать стало нечем, неподалеку, под кустиком кудрявой от инея полыни глаз зацепился за что-то инородное. Серое. Клочок шерсти, как мне показалось. Я застыл, еще больше напрягая зрение.

На меня, выпучив красный глаз, боком смотрел заяц...

— Вон он, — выдохнул я.

— Где?! — крутнулся Асет.

— Тихо ты! У него глаза открыты.

— Вижу, — шепнул Асет. — Спит он.

— Да нет же, на меня смотрит...

— Усидел бы он, если б не спал. Забыл, что ли? Зайцы спят с открытыми глазами.

Асет целился тщательно, долго. Я не спускал глаз с лежащего на курке пальца и в ожидании выстрела все сильнее прижимал к ушам клапаны шапки. Наконец, не выдержав, зажмурился. Но именно в тот момент, когда я решил снова открыть глаза, прогремел выстрел.

Заяц высоко подпрыгнул, рухнул на землю и с тонким писком забился на снегу.

— Попал! — заорал Асет.

Мы подбежали к зайцу. Он несколько раз дернулся и затих.

— Так его, ушастого, — сказал Асет, привязывая добычу к поясу.

...Я иду за Асетом, рот до ушей, глаз не могу отвести от зайца. Подвесить бы его к своему поясу... Тяжелый, наверное... Но из нас двоих охотник один — Асет. Ему и нести добычу! Я смотрю, как он шагает с двустволкой на плече и длинноухим трофеем у пояса. И страшно жалею о забытом дома фотоаппарате! Какой бы снимок получился! Но фотоаппарата нет со мной, и мне остается просто так любоваться Асетом. Какой он умелый и ловкий, мой дружок! Мне кажется, нет на свете ничего такого, чего бы он не знал. Следы, например... Он их читает без запинки: это заячий, это лисий, это — фазана... Он даже тигра не боится!

Взойдя на невысокий холм, мы остановились передохнуть. Асет опустил ся прямо на снег. Взглянул на меня, снизу вверх, хитро блеснули его глаза:

— Ну как, разжигать костер?

— Зачем? — удивился я. — И так вспотели.

Асет вытащил из кармана и пересчитал патроны. А чего считать? И так известно: было десять, один потратили. Ух-ху, неужели, имея девять патронов, не добудем хорошего петуха?

— Где будем искать фазана? — спросил я.

— На открытом месте не найдешь. Они в тугаях водятся, где погуще.

— Назад возвращаться? — вырвалось у меня.

Про тугаи мне и думать было страшно. Настроение сразу упало.

— Сколько хлопот, оказывается, — недовольно проговорил я.

— Я что ли придумал снежное письмо? — усмехнулся Асет.

Отвечать на это было нечего... Всегда у меня так! Придумаю что-нибудь — и обязательно на свою голову. Вот и теперь: научил здешних ребят игре в снежное письмо и сам же попался! Не выполнишь условий письма, прослывешь болтуном. «Ты и есть болтун!» — обругал я себя. Кто тянул меня за язык

предлагать Калли-ата в почетные члены отряда? Кто? Вот теперь и расхлебываю... Но тут я вспомнил, как мне хотелось поехать на каникулы к Асету. И как я был счастлив, что все-таки лечу к нему. Да нет, все бы чудесно, не научи я ребят этой злосчастной игре...

— Написали бы письмо мальчишки, могли б и не ходить, — посмеиваясь, сказал Асет. — Но раз условия придумала девчонка...

Снова послышались крики охотников. Они подхлестнули нас. Мы спустились с холма и пошли к тугаям. Внезапно наперерез нам выскочил заяц. Асет сорвал ружье и выстрелил подряд два раза.

Нет, не попал...

Мы пошли дальше, прислушиваясь к понукающим голосам охотников. Они кричали где-то совсем рядом.

— А борзая почему-то не лает, — сказал я.

Асет остановился, вслушиваясь.

— Если бы борзую пустил, не так кричал бы. А этот, похоже с соколом. Слышишь, кличет: «Пох-пох!»

Но я не успел ничего расслышать. Совсем близко подала свой голос какая-то птица:

— Чирк! Чирк!

— Фазан! — просипел Асет.

Взяв ружье наизготовку, Асет сделал несколько шагов. Голова его смешно вертелась: туда-сюда, туда-сюда.

— Фр-р!..

Из зарослей, сверкнув на солнце нарядным оперением, выпорхнула птица. Тяжелая, она летела низко-низко. У нее был длинный красный хвост. Петух!

Асет выстрелил раз, другой. Подняв вертикально хвост, фазан упал на снег.

— Ранен! — крикнул Асет.

Была ли ранена птица, мы так и не успели понять. Фазан, упав, мгновенно ожил и стремительно побежал к стоящим стеной камышам. Юркнул в первую попавшуюся щель и исчез.

Сильно разочарованные, мы пошли дальше. Трудное это дело, подстрелить фазана на лету... Я подсчитал: у нас осталось пять патронов.

— Смотри! — крикнула Асет. — Сокол!

В нашу сторону летела пестрая птица, чуть больше домашнего голубя. Четко прочертив в небе линию сво-

его полета, сокол сел неподалеку на деревцо. Его роговые пальцы с сильно загнутыми темными когтями крепко обхватили сучок. Сокол стал чистить о ветку свой железный клюв. Потом вдруг повернул к нам голову — с оранжево-черным немигающим глазом. И крикнул — воинственно:

— Чанк!

Мы смотрели на него, как заворуженные.

Зашуршали камыши. Мы обернулись: из зарослей выехал охотник на гнедом коне. Вытянув руку в кожаной рукавице, он позвал:

— Пох-пох!

Сокол еще раз крикнул свое «чанк!», нырнул с ветки вниз и, подлетев, опустился на руку верховому, стал терзать что-то своим железным клювом. Мне показалось: он яростно, в клочья рвет рукавицу. Но охотник свободной рукой несколько раз погладил птицу по голове и медленно подъехал к нам. Это был старик небольшого роста, в треухе и желтой дубленой шубе. Он ловко и привычно сидел в седле.

Асет толкнул меня локтем:

— Калли-ата!..

— Кто?..

Я не поверил своим ушам. Калли-ата?! Этот вот, в желтой шубе? В своем воображении я давно уже нарисовал богатырскую фигуру рыбака в задубелом парусиновом плаще, с огромными ручищами, легко тянущими тяжелые сети. И теперь растерянно уставился на верхового. Совсем обыкновенный старичок... Сухонький, с небольшим крепким носом, он сам был похож на птицу. В тороках у него висело несколько зайцев и фазанов.

— Ассалам-алейкум, ата! — первым поздоровался Асет.

Следом смущенно пробормотал свой салам и я.

— Ваалейкум!.. — ответил Калли-ата и, узнав Асета, заулыбался. — Йие, Асетджан! Тоже на охоту вышел? А это что за паренек с тобой? Гость? Из города? Молодцы! Что добыли?

— Вот, зайца! — гордо показал Асет.

— А, добро, добро, — похвалил Калли-ата и легко соскочил с коня. Сокол сидел у него на руке. Я увидел: в рукавице у старика, между кожаными ее пальцами, зажато сырое мясо. Настороженно поблескивая

круглыми глазами, сокол рвал от него куски и жадно, торопливо глотал.

Калли-ата внимательно оглядел нас.

— Не замерзли, охотники?

— И-нет...

— А нос у обоих, как помидор.

Старик снял рукавицу, бросил на снег, посадил на нее сокола. А сам стал подтягивать подпругу у коня. Крепко: конь пошатывался, переступал ногами. Я понял, в руках у старика очень много силы...

Подтянув подпругу, Калли-ата зачем-то стал отвязывать висевшего в тороках крупного петуха-фазана. Я смотрел, как безвольно моталась по лошадиному крупу его большая голова с изумрудными щеками и белым кольцом вокруг остекленевшего глаза.

А Калли-ата вдруг протянул мне птицу:

— Держи-ка, сынок.

— Что вы, дедушка!..

Я совсем смутился. И оглянулся на Асета. Но тот смотрел на петуха загоревшимися глазами.

— Бери, бери, сынок, — подбодрил меня старик. — Таков обычай охотников — дарить добычу гостю.

Сердце у меня радостно подпрыгнуло, внутренний голос торопил «бери, дурень!» Но я в нерешительности медлил.

И тогда Калли-ата сам подвязал мне фазана к поясу. Я поразился, какой он тяжелый. И как красиво вблизи его оперенье. И тут я увидел страшный след, который оставили на его спине соколиные когти.

Вот и есть у нас фазан... Мы переглянулись с Асетом — быстро и тайно, как заговорщики. Правда, такая «охота» не по правилам снежного письма...

— Дедушка, — сказал Асет, потупившись и чертя валенком по снегу. — Вы никому не скажете, что дали нам фазана?

Старик взглянул не понимая. У него были желтые, как у птицы, внимательные глаза. И тут же они прищурились — лукаво.

— А что, тайна какая-нибудь?

Асет смущенно молчал. Но Калли-ата, похоже, сам обо всем догадался.

— А-а, понятно, понятно... Если кто спросит, надо сказать: они сами добыли? Так, что ли?

— Ага...

— Хоп, — старик кивнул, усмехнувшись.

Затем он снова надел рукавицу и посадил на нее сокола. Поднявшись в седло, сказал:

— День на вторую половину пошел. Возвращайтесь-ка домой, скоро станет морозно.

— Мы еще поохотимся, — сказал Асет.

— Велено домой, значит, поворачивай! — вдруг рассердился Калли-ата. — Уши пооборву!

Мы с Асетом послушно закивали головами. Я больше не удивлялся тому, как смиренно сидит на вытянутой руке Калли-ата сокол — сильная, хищная птица со страшными когтями.

Кивнув нам, Калли-ата повернул коня и пустил его крупной рысью.

Я смотрел ему вслед. И тут только спохватился: а мое дело?!

— Асет, мы же ничего не сказали ему...

— Насчет чего?

— Сам знаешь, насчет членства...

— А, чтоб тебя, совсем позабыл! А ты почему не напомнил?

— Не знаю. Он рассердился...

— Да это он так, пошутил. А сам подмигнул мне. Калли-ата-а! — вдруг крикнул Асет и велел: — Зови его!

— Дедушка Калли! — закричал и я.

Старик услышал, повернул в нашу сторону коня. Мы побежали навстречу. Привязанный наспех к моему поясу фазан отвязался и упал. Я схватил его за шею и бежал, крутя над головой.

Калли-ата с минуту смотрел в нашу сторону, потом махнул рукой, повернул и пришпорил коня.

«Куда же он?» — удивился я. И тут же все понял. Был бы я в своем уме, разве стал бы звать его, крутя фазана над головой? Калли-ата наверняка подумал, что я решил вернуть ему подарок...

«Э, пустая башка!» — обругал я себя.

— Дай-ка сюда петуха, — немного погодя сказал Асет.

— Зачем? (Я только что снова приладил его к поясу).

— Давай, давай!

Усмехаясь, Асет отнес фазана метров на пятьдесят и повесил на куст. Вернулся. Я ничего не мог понять. А он зарядил ружье и протянул мне:

— Стреляй!

— Сдурел ты, что ли? Кто стреляет в мертвую дичь?

Тогда он сам поднял двустволку, прицелился и нажал спусковой крючок. Грохнул выстрел. Фазан тяжело свалился в снег. Следом тихо планировало выбитое дробью перо.

Вынимая гильзу, Асет засмеялся:

— Теперь смело можем говорить, что сами подстрелили: в фазане наша дробь.

А мне и в голову не пришло, как легко нас могли уличить в обмане: ведь в мясе сбитого соколом фазана не оказалось бы дроби!

Видали этого хитреца? Я с восхищением посмотрел на Асета.

У нас оставалось еще три неиспользованных патрона. Они были уже не нужны нам.

— Можно выстрелить разок? — попросил я.

— А во что?

— Да во что придется.

Я завертел головой в поисках подходящей цели.

— Давай в мою шапку, — нашелся Асет.

Он отнес и приладил на куст шапку. Проверил, правильно ли я держу ружье. Прицелившись, я зажмурил оба глаза и надавил на спуск. В плечо толкнуло — неожиданно сильно. И тут же грохнуло. А может, сначала грохнуло, потом толкнуло, я так и не разобрал. Запахло порохом.

Асет побежал за шапкой. Смеясь, крикнул:

— Куда же ты целил, охотник?

Значит, не попал... Я виновато ухмыльнулся. И все-таки был доволен: грохнуло здорово, а отдачей ударило так, что я чуть не упал.

— Ладно, бери фазана и пойдем домой, — заторопил Асет. — Нам еще на реку успеть надо...

Мы быстрым шагом зашагали к аулу. Солнце стояло еще высоко, но меня все сильнее пробирал мороз.

НА АКДАРЬЕ

Вернув Байтемиру ружье и похвастав добычей, мы пошли к себе. Зайца с фазаном незаметно спрятали в сено, а сами прошли в дом.

— Проголодались, верблюжата мои? — встретила нас бабушка Асета. — Садитесь за дастархан. Мы с Назли тоже не ели, ждали вас.

Улыбаясь, Назли продолжала читать какую-то книгу. Такая тихая, ласковая! Мне бы такую сестренку... Мы с Асетом целыми днями пропадем на улице, а она хоть бы словом дяде Джапаку обмолвилась. Улыбнется нашим проделкам — и все. А моя вечно ябедничает маме или отцу.

Бабушка принесла косы с шурпой. Мы накинулись на еду, как голодные волки. А поев, тотчас подялись.

— Куда же вы? — спросила бабушка. Она напомнила Асету: вечером прилетает мать, и нужно встретить ее, съездить в аэропорт на санях. И по дому есть работа...

— Срочное дело у нас, бабушка, — сказал Асет. — Я потом все сделаю.

— Ох, и непоседы! Ладно, сынок, ступай... Я ведь только, чтобы мама не сердилась.

Выходя из комнаты, я посмотрел на часы: было ровно три.

— Асет, может, нам завтра сходить на рыбалку? — несмело предложил я.

— Много ты находишь завтра, когда приедет мама. Ловить рыбу не так уж трудно. А мы еще и лампочку пристроили.

Ну вот, теперь эта лампочка... Чья была идея прикрепить ее к удилищу? Моя, конечно... Я же накануне вечером и сделал все: привязал китайский фонарик к удилищу, вывел два изолированных проводка, припаял к ним паяльником лампочку. А чтобы не проникла вода, хорошенько обмазал все пластилином. Именно так советовала сделать «Пионерская правда». Асет не читал той заметки и с интересом наблюдал за моими действиями.

Не скрою, вчера мне были очень приятны его уважительные взгляды. А теперь, хочешь — не хочешь, придется идти...

Асет достал из кармана вчерашний список.

— Есть перочинный нож? — бормотал он. — Есть...

— А спички не нужны?

— Положи себе в карман. Дальше что? Санки...

— Готовы.

— Пешня? Есть, — ответил он сам себе. — В хлеву стоит. Одежда? Все вроде надели. Фотоаппарат не забудь, — напомнил он мне.

Удочку из бамбука мы сложили и привязали, как простую палку, сбоку саней. И вышли из калитки.

Погода здесь какая-то интересная! Когда возвращались с охоты, было ясно. Но сейчас небо затянуло облака.

Мы возьем свои легкие санки. На них только завернутая в мешок пешня да сбоку, чтоб незаметно было, привязана удочка. Фотоаппарат висит у меня на шее, за спиной болтается пустой рюкзак. На боку у Асета — сумка для улова.

Когда шли центром аула, к нам подбежал Сеит. Утром, увидев нас с ружьем, он посмеялся, глядя из окна. А мы вернулись домой с добычей...

Теперь Сеит выскочил нам навстречу.

— На рыбалку? Я тоже пойду!

— Иди, — равнодушно сказал Асет.

— А вы куда идете? — спросил Сеит.

— На Круглое озеро, — сказал Асет и потянул санки.

Я кивнул Сеиту: мол, давай за нами. И нагнал Асета.

— Ты же говорил, на реку пойдём.

— Мы туда и идем.

— А Сеиту сказал, что на Круглое?

— Ну и что? Зачем он нам? — поморщился Асет. — Хочет идти, пусть идет сам. Он и утром за нами увязывался, да я не взял. И сейчас сразу его понял: хочет небось проследить, сами мы добудем рыбу или с чьей-нибудь помощью. Вот мы и пойдём на реку, а он пусть сбегает на озеро. Разве он, пустая голова, понимает, что в текучей воде рыбы больше?

Я молча шагал рядом. Я не знал, соглашаться или спорить с Асетом. Он-то Сеита лучше знает... В одном он прав: возьми мы Сеита на охоту, разве не развонил бы он, как мы «подстрелили» фазана?

Мы уже порядком отошли от кишлака. Оставляя на снегу извилистый двойной след, легко скользят наши санки. Тихо... Кусты тамариска, осокоря и дикой джиды согнулись под тяжестью снега, не шелхнутся. Будто глубоко задумались о чем-то.

Как не похожи здешние места на наши! У нас, когда я улетал, травка пробивалась. И пора! Ведь се-

годня... Какое сегодня число? Двадцать шестое... двадцать седьмое... Ой-бой! Уже двадцать восьмое, а дело мое все ни с места. Когда я теперь встречу с Калли-ата?

— Вон озеро, — показал Асет на круглую впадину, засыпанную снегом, по краям которой щеткой стояли камыши.

— Встань-ка сюда, — скомандовал я. — Не двигайся! Так. Так. Все!..

Я сфотографировал Асета, потом настроил аппарат и передал ему.

— Сними и меня!

Больше мы не останавливались...

Река меня разочаровала.

— Й-ие, да она совсем узкая! В нашей стороне Аму метров пятьсот шириной. (Я прихвостнул самую малость).

— Посмотрел бы ты на нее летом! Ты же видишь середину реки, она не замерзла.

Я и правда смотрел туда, на живую воду, почти черную на фоне снега. Что-то широкое, серое, погружаясь и выныривая, плыло по воде, время от времени ударяясь о ледяные закрайки.

— Смотри-ка, льдина!

— Весна скоро, лед начал обламываться, — Асет проводил глазами льдину. — В Аральское море плывет!

Пройдя сквозь заросли камышей, мы вышли на самый берег. Дальше начинался лед, крайние камышины вмерзли в него до половины. А до чистой воды и правда еще далеко. И на той стороне, во-он где, вмерзла в лед позабытая кем-то лодка...

Мы спустились на лед и пошли к воде. И вот уже стоим у самой кромки, в двух-трех метрах от нас хлопает, плещется вода и быстро-быстро несется к морю.

— Давай-ка сюда пешню, — скомандовал Асет, ногой разгребая снег.

Я подал ему пешню. Сняв стеганку и аккуратно положив ее на снег, Асет стал вырубать в зеленоватом льду лунку.

Удары у него сильные, точные. Я отошел и — чик! — сфотографировал Асета. Потом взял у него пешню. Лунка уже заметно углубилась. Но какой все-таки твердый лед! Ударишь со всей силой, а отскочит кусок не больше кулака.

Скоро у меня заняла спина.

— Теперь я, — сказал Асет и, забрав пешню, поплевал себе на рукавицы.

Несколько сильных ударов — и ее острое пробило лед. Асет еле вытащил пешню обратно. Повернулся ко мне — рот до ушей:

— Готово!

Заглянул я, а в лунке поблескивает вода — с верблюжий глаз.

— Отвязывай удочку! — крикнул мне Асет, а сам ударами пешни продолжал расширять прорубь.

Я кинулся к санкам, отвязал удилище.

Сняв рукавицу, Асет вылавливал из проруби осколки льда.

Вращая удилище, я размотал леску. Лампочка была на месте. Я проверил, как она зажигается, и протянул удочку Асету. Насадив на крючок кусочек мяса, он осторожно опустил леску в воду. Подмигнул мне и нажал на кнопку фонарика.

Я заглянул в прорубь.

— Горит? — нетерпеливо спросил меня Асет.

— Нет...

Асет сунул мне удилище, а сам встал на колени и низко пригнулся к проруби.

— Подтяни!

Я поднял удилище повыше и тотчас услышал:

— Горит! Ее течением относило.

Я так и застыл, держа высоко поднятой руку с удилищем. Скосил глаза вниз: в проруби покачивался большой поплавок. Асет отошел и стал настраивать аппарат. Молодец! Я как раз мечтал о таком снимке...

— Не шевелись, — говорит Асет. — Так... Так... Внимание, снимаю.

Я чувствую, лицо мое неудержимо расплывается в улыбке (а так хотелось сохранить серьезный вид!) И тут кто-то сильный как рванет у меня из рук удочку. Я больше не вижу в лунке поплавок и, мигом забыв о замечательном снимке, зову на помощь Асета.

Вдвоем вытаскиваем добычу — плотву четверти в полторы длиной! Сняв с крючка, Асет бросает рыбину на снег. Плотва хлещет хвостом, она блестит на белом, как кинжал.

— Урра-а-а!..

Мы скачем вокруг нее. Под ногами кряхтит и легонько пружинит лед...

Асет снова закидывает удочку. Мы притихли над прорубью, нетерпеливо караулим поплавок. Сейчас мы ничего не слышим: ни хлюпанья воды о близкий ледяной край, ни шороха плывущих по воде осколков и льдин.

... И вот уже с десятков рыбин сначала подпрыгивают на снегу, потом лишь трепещут, повиливая хвостами и широко разевая беззубые рты, а затем и вовсе костенеют.

Мы счастливы своей удачей! Каждый раз, как ловится очередная рыба, Асет, снимая ее с крючка, приговаривает: «Ты достанешься Байтемиру!» или «Ты — красивая, тебя пусть отведаст Сафаргуль». Или такое: «Ты, несчастная, чего егозишь, как Сеит? Он пускай и получит тебя!»

И нацепив наживу, снова забрасывает удочку.

Но через некоторое время поплавок так резко ныряет в воду, что я вижу испуг на лице Асета.

— Сагындык! Держи! — пыхтит он. — Бакира!

Леска натянулась до звона. Я тоже хватаюсь за удилице, но какой-то силач рвет его из наших рук.

— Что... за бакира? — все же спрашиваю я.

— Щука по-вашему... Крепче держи!

— Откуда... знаешь, что... щука...

— У ишака одна походка, у верблюда — другая. Только бы леска не оборвалась!..

Мы слегка отпускаем леску, давая щуке порезвиться напоследок. Ждем, когда она станет смирнее, не будет так брыкаться. Наконец, потихоньку подводим ее к проруби, тянем... показывается огромная острая голова. Такую голыми руками не схватишь. Только бы леска выдержала! Асет вслух уговаривает щуку:

— Выходи, бакираджан, я не отдам тебя Сеиту, — голос у него ласковый, как у девчонки. — Ты достанешься гостю! Милая, хорошая, выходи...

И все-таки мы ее одолели! Потихоньку, полегоньку, обманом и уговорами выволокли щуку на лед. Вот это рыбища! Пестрая, как змея, и самое малое — в полметра. Бросив щуку на снег, подальше от проруби, мы запрыгали над ней, крича «ура».

Асет стал приплясывать, напевая, что взбредет на ум.

Мы взялись за руки и, подпрыгивая, запели вдвоем. В самый разгар веселья рядом будто треснуло что-то. Лед под нами качнулся. Но нам было не до этих пустяков.

... Я держал удилище, Асет снова цеплял на крючок наживу. И тут я увидел, вода в проруби отчего-то стала быстро подниматься. Вот дошла до верха и выплеснулась через край, пропитывая снег.

— Гляди, выливается, — удивился я.

С берега донесся чей-то крик. Я оглянулся: кто-то отчаянно махал нам шапкой и кричал изо всех сил. Предчувствуя беду, я оглянулся на Асета. Занятый удочкой, он только мотнул головой.

— Не узнаешь, что ли? Сеит это. Притащился по нашему следу...

Сеит все что-то кричал нам. А еще бежал вдоль берега, будто боялся отстать. Бежал быстро, но почему-то все время оставался на одном месте — напротив нас.

— Обманули дурака на четыре кулака, — погружая в прорубь удочку, довольно проговорил Асет.

А у меня язык отнялся.

— А-асет... нас уносит...

— А?!

От его резкого движения льдина под нами закачалась, и мы упали бы, если б не схватились друг за друга. Держась за Асета, я застывшим от ужаса взором смотрел, как мимо проплывает берег.

Но тут льдина приблизилась к припаю.

— Прыгай! — закричал Асет.

Где мне было прыгнуть... До припая было не меньше двух метров. Асет, тот, конечно, легко перепрыгнет, он более ловок и ростом выше. А я...

Но Асет не стал прыгать. Не захотел оставить меня одного в беде. Молча поднял санки, подошел к краю льдины и сильным махом забросил их на припай. Следом полетела пешня.

— Что ты делаешь?!

Льдина закачалась сильнее.

— Найдут вещи, узнают, что нас уносит...

И тут только я понял Сеита. Вот о чем он пытался сообщить нам...

— Сеит все видел! — обрадовался я. — Потому и кричал, что нас уносило.

С вспыхнувшей надеждой мы прощупывали глазами берег. Но там уже никого не было.

НА ЛЕДЯНОМ ПЛОТУ

Нас уносило.

Льдина то плыла спокойно, то вдруг начинала раскачиваться, вызывая у нас ужас. А кругом — только лед и отливающая голубизной черная, живая плоть реки. Мы сидим, прижавшись друг к другу, и сейчас не разобрать, дружба так сблизила нас или страх. Мы внимательно рассматриваем берег. Но что там, нам не видно: уровень реки здесь намного ниже берега. К тому же мы сидим. А подняться страшно: льдина может перевернуться. И ни одной живой души кругом...

Серая темнота заливает реку. Делается все сумрачнее. Однообразной белой полосой тянется берег. Верхняя его линия чуть проступает на фоне хмурого неба. И мы всматриваемся в нее до боли в глазах.

Хоть бы какой огонек!

Я не знаю, о чем рядом со мной думает Асет. Только чувствую тепло его плеча. И все теснее прикипаю к нему, потому что мне страшно своих мыслей... Раньше я, случалось, плакал из-за какого-нибудь пустяка. А сейчас ни слезинки. Видно, когда по-настоящему страшно, слезы высыхают.

Если бы льдина опять — хоть на миг! — приблизилась к припаю... Клянусь, я прыгнул бы! Но водная часть реки чем дальше, тем становилась шире. Наш ледяной плот, покачиваясь, плыл серединой и не собирался причаливать к берегу...

Только однажды наверху как будто замерцал огонек.

— Смотри, огонь!

Я разволновался так, словно увидел что-то родное-родное.

Асет резко повернулся, льдина качнулась. Мы еще крепче вцепились друг в друга.

— Давай кричать, — предложил Асет. — Может, услышат? — И закричал: — Эй, помогите! Нас уносит-ит! На помо-ощь!

Я тоже кричал, с надеждой глядя на огонек. Нет, видно снег и вода глотают наши слабые голоса. Мы все кричали, а льдина плыла себе и плыла. Помигал и исчез огонек...

И все-таки я с надеждой смотрел в лицо Асету. Он что-нибудь придумает!

Спустя немного он сказал:

— Давай соберем вещи. Надо быть наготове. Случай еще подвернется, увидишь.

Он все еще надеялся спрыгнуть на берег... В его словах мне почудился упрек: из-за тебя не прыгнули тот, первый раз.

Стемнело. Мы едва различали разбросанные по льдине пожитки. Не сходя с места, осторожно дотягиваясь рукой, стали собирать их. Я нащупал фотоаппарат и сунул его в рюкзак. Асет освобождал привязанный к удилице фонарик. Я протянул руку к чему-то чернеющему неподалеку. Оказалась — щука. Я подтащил ее за хвост. Какая же она здоровенная! Но теперь это вызвало лишь досаду. Если бы мы, радуясь такому улову, не прыгали до небес, льдина, возможно, не обломилась бы. И сейчас мы сидели бы дома, пили горячий чай...

Мы собрали рыбу, уложили в сумку. Что еще делать? Ждать, когда начнем тонуть?

— Асет!

— Да.

— Где мы сейчас, по-твоему?

Вытягивая шею, Асет стал осматриваться. Будто мог что-нибудь разглядеть.

— Напротив аула Кабасин, наверное, — наконец сказал он. — Сколько мы уже плывем?

— Уже часа два, наверное.

— Тогда, может быть, с аулом Ашамайли поравнялись.

— Ты все говоришь: аул, аул... А где же огни?

— Так ты их и увидел! — начал сердиться Асет. — Где плывем? Внизу. Аулы в двух-трех километрах отсюда, на высоком берегу.

— Столько рыбацких аулов, а никто не ловит рыбу.

— В эту пору все рыбаки — на море.

Я примолк. Река куда течет? В море. Тревога вгрызлась в самое сердце. Нас уносит в море! Какой ужас! У реки хоть есть берега. А в море?

«Ты за смертью сюда приехал, Сагындык, — вдруг подумал я. — В море найдешь свою смерть».

Я с легкостью представил себе, как это будет: бескрайняя водная гладь (почти океан)... И на каждом шагу — предательские айсберги... А наша льдина такая маленькая и незащитная... Тупой, не очень даже сильный удар — и я иду ко дну. А тут, откуда ни возмись, акула с разинутой пастью!

Столько раз описывал я все это в рассказах... И вот — впервые сам испугался своих фантазий.

— Асет!

— Да.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

— Асет!

— Да.

— А в Аральском море айсберги бывают?

— Нет... Северный Ледовитый океан, что ли?

— А акулы?

— Чудак!

Я с облегчением вздохнул.

— Асет, ты не молчи. Говори о чем-нибудь.

— О чем?

— Ну, что видел, знаешь...

Асет шевельнулся, повернул ко мне лицо. Оживился.

— В ауле Ашамайли как-то заболел рыбак, — начал рассказывать он. — Отец поехал к нему и взял меня с собой. Лето было, жарко... Пока отец занимался больным, я с местными ребятами пошел купаться. Против аула берега пологие, песчаные. И вот бежим мы к реке и видим: в двух-трех метрах от воды лежит на песке автомобильный баллон! Забыл кто-то? Или река выбросила? Вот удача! Мы — к баллону, а он вдруг зашевелился, поднялся на ребро и покатился, удирая от нас, в воду.

— Да брось ты...

— Дальше слушай! Мы подлетаем к воде, а то, что мы приняли за баллон, лениво повилывая хвостом, уплывает. Сом это был! Резвился на волнах у берега и выпрыгнул на песок. Полежал, собрался с силами, ухватил зубами свой хвост и покатился.

— Ты прямо барон Мюнхаузен!

— Кто, кто?

Я объяснил. Асет обиделся.

— Я же это своими глазами видел! Отец, тот поверил мне... Сказал: сом боролся за жизнь. Не сделай он невозможного, умер бы на берегу или угодил кому-нибудь на обед.

Правда это или неправда, но сом молодец, подумал я. Так и надо: бороться до последнего!

Мне даже теплее стало от этой мысли. Или вправду потеплело. Я пощупал клапаны ушанки: они влажные! А совсем недавно были в инее. Теплый ветерок дохнул в лицо. По временам, будто в тумане, начинали мерцать огоньки.

За жизнь нужно бороться, согласен. Но как? Что могли мы сделать? Наши крики о помощи глотает вода. Да и кричать громко боязно: малейшее усилие раскачивает льдину — наш ненадежный оплот. Только бы не столкнуться с другой льдиной! От первого же удара наша льдина расколется: ведь посередине у нее прорубь.

Не успел я подумать об этом, как льдина начала сильно раскачиваться. Из проруби с бульканьем полилась вода. Асет схватился за край проруби, я — за Асета. Но вот льдина выровнялась. Мы перевели дыхание и стали осматриваться. Темно, не видно ни берега, ни льдин, с шорохом плывущих где-то рядом. Но огоньков, кажется, прибавилось! Только странно тусклые они. Туман кругом или пар, не разберешь. Сказать, туман — он теплый. Сказать, пар — откуда ему взяться на реке?

Вдруг загудело — протяжно. Не веря в такое счастье, я прислушался. Похоже на пароход...

— Пароход гудит! — оживился Асет.

Не сговариваясь, мы закричали:

— На помо-ощь! Помоги-и-те!..

Замерев, ловили ответные звуки. Ничего... Только, удаляясь, постепенно стих гудок. И все-таки у нас не было сомнений — это пароход. Вот, даже стук мотора можно слышать. А самого не видно, потому что туман.

Льдина наша приостановилась и начала кружиться на одном месте. Водоворот?! Нет, льдина покружилась и потихоньку поплыла дальше.

— Что же нам делать? — вырвалось у меня.

— А что делают потерпевшие крушение?

— Голодают они! — рассердился я (и почувствовал, что зверски хочу есть). — Ремни жуют или вот — сапоги.

— Сначала мы рыбу съедим, — Асет похлопал по сумке, висевшей у него на плече, — а потом, возможно, и сапоги.

Он даже не улыбнулся при этом. Я невольно подтянул ноги, словно Асет и в самом деле собирался приняться за мои сапоги.

По временам откуда-то налетал ласковый ветерок. Небольшие волны хлюпали, ударяясь о нашу льдину, не причиняя ей вреда. Мы радовались и этому: плыть стало спокойнее, и мы не так мерзли. Вдруг мы почувствовали довольно сильный толчок. Не удержавшись, оба соскользнули на край льдины и уперлись ногами во что-то мягкое и упругое. Льдина под нашей тяжестью перекосилась, и мы оказались по пояс в воде. А перед нами — камыш, мелкий кустарник. Земля!

Мы вскочили на ноги и, цепляясь за камыш, выбрались наверх. Оглянулись: наша льдина, как совок мусор, выбросила нас на берег и исчезла в темноте.

Прощай, ледяной плот! Спасибо, что доставил нас сюда, на землю!

НА ОСТРОВЕ САГАСЕ

Мы не знали, в какую сторону идти. Только бы поскорее добраться к людям!

Пошли наугад. Асет впереди, я — свади. Странно: снега тут не было. Шуршал камыш, цеплялся сучками кустарник.

Места неизвестные, темнота... В сердце у меня, что скрывать, опять шевельнулся страх. Мало ли опасностей могло поджидать нас здесь?

Асет вдруг резко остановился. От неожиданности я налетел на него. И все дрогнуло во мне. Он увидел... что-то страшное?

— Вода тут, — сказал Асет.

— Какая вода? — глупо спросил я.

— Вода как вода, — хмуро ответил Асет. — Наверное, надо взять левее.

Я послушно двинулся за ним. Сделав шагов пятнадцать, Асет опять остановился: и тут была вода...

Мы вернулись назад, пошли вправо. Но и там тоже путь нам преградила вода.

— Хватит блуждать. Остановка! — сказал Асет. — Мы попали на маленький остров.

Мы выбрались на возвышенную часть островка. Здесь было суше. Присели. Земля под нами сырая, колодная, одежда намокла. Ничего не видно, слышно только, что где-то совсем рядом плещется вода. Да время от времени доносится близкий крик какой-то птицы: «Кыик!» И опять: «Кыик!» Болотом пахнет, гниющим камышом, травой.

И все же это лучше, чем опасная льдина. Суша, твердая, земная. Пусть самый маленький ее кусочек. Насколько здесь теплее, чем на льдине. И тигра можно не опасаться: что ему делать на таком пятачке?

На душе у меня стало спокойнее. Но зато сильно захотелось есть. Вот, подумал об этом, и уже ни о чем другом не думалось. Чтобы отвлечь себя от мыслей о еде, я заговорил с Асетом.

— Как думаешь, этот остров больше острова Робинзона?

— Откуда мне знать...

— Давай дадим ему название! Остров Асета... Хорошо звучит?

— Нет, не подойдет. Ты — гость, значит и называть надо твоим именем.

— Тогда давай назовем — остров Асета и Сагьдыка.

— Не пойдет. Покороче надо. И покрасивее.

Мы оба задумались.

— А если дать имена в сокращении? — предложил Асет. — От твоего имени возьмем «Саг», от моего — «Асе»... Ничего?..

— Остров Сагасе... — произнес я. — Здорово! Будто по-французски.

— Рыбаки острова Сагасе... Видал, как получается, — обрадовался Асет. Он повторил это еще раз, будто только теперь понял истинный смысл слова «рыбаки»...

— А почему бы нам не поджарить рыбу? — будто про себя спросил он. И сглотнул.

Ух, как же мне захотелось рыбки! Поджаренной мамой на хлопковом масле... Даже вкус ее появился у меня во рту.

Я сунул руку в карман:

— Спички! Вот они, не отсырели.

— Доставай нож, — распорядился Асет. — А я соберу топлива.

И мы занялись делом. Я развязал рюкзак, достал китайский фонарик с висящей на проводках лампочкой. Нажал кнопку: загорелся крошечный огонек. Глядь, а Асет тащит охапку камыша и хвороста. Вооружившись фонариком, отправился за топливом и я. Собрал порядочно, только все оно было сырое. Асет уже сложил костер: сперва шалашиком камыш, сверху хворост и ветки. Но спички в его руках гасли — одна за другой.

— Сейчас бы растопки! — обернулся Асет. — Была бы бумага...

Я нащупал в кармане блокнот со своими стихами, вырвал несколько листочков.

Вспыхнула спичка, загорелась бумага. Язычки пламени стали лизать лучины из удилица. Понемногу, сильно дымя и потрескивая, загорелся камыш. А там занялись толстые ветки. Вот уже и теплом потянуло. И ночь — холодная, чужая — как-то смягчилась.

— Правду говорят: если найдется растопка, и снег загорится, — Асет засмеялся, довольный.

Лицо его было в копоти, глаза слезились от дыма. Взяв у меня перочинный нож, он принялся при свете костра чистить рыбу.

— В угли закопаем? Тогда можно и не чистить.

В голосе моем прозвучало голодное нетерпение.

Но Асет хранил таинственное молчание. Вычистил две рыбины, спустился к воде, сполоснул. Положил на траву, а сам, прихватив нож, опять исчез в темноте. И тут же вернулся — с двумя прутами.

Я смотрел, как он ловко счищает с них кожицу. Наконец, придирчиво оглядев скользкие, бледнотелые прутья, он нанизал на каждый по рыбине. Один прут вручил мне:

— Держи над огнем.

Мы стали жарить рыбу, как шашлыки, время от времени поворачивая ее то одним, то другим боком. Незаметно я отвлекся: держу рыбу над огнем, а сам думаю о маме. Добрая моя, ласковая... Радуетя, наверное: «Солнышко мое отдыхает, резвится с ребятами». А сын ее сидит голодный и холодный на острове Сагасе... У меня заципало в носу. Нет, лучше не надо о маме. Лучше буду думать, что там поделывают без

меня Махфуза, Урунбай, Самад-хитрец. Даже о нем я вспоминаю сейчас с нежностью. Никогда больше не назову его «хитрецом», Самадбаем звать буду.

— Горит! Поворачивай! — вскричал Асет.

Рыба моя, подгорая, дымилась. С нее, шипя, капал жир, вспыхивал в костре. Я торопливо повернул ее другой стороной.

— Ладно, можно есть, — сказал Асет. — В желудке доварится.

И он принялся есть рыбу с прута, как шашлык. Глядя на него, я тоже попробовал. Хоть бы какой вкус! Несоленая, да еще отдает чем-то. Горечью прута, что ли?

Заметив, что я скривился, Асет усмехнулся:

— Ешь...

Кое-как заморив червячка, я прилег у огня, положив под голову рюкзак. Меня неодолимо потянуло в сон.

— Поспи немного, — сказал Асет и подбросил в костер веток. — А я посижу пока. Если вместе заснем, огонь может потухнуть.

Я вытянул к огню ноги и закрыл глаза. Меня немного мутило...

Через некоторое время я в испуге открыл глаза: мне показалось, что мы снова плывем на льдине. Теперь я почувствовал: и правда, плывем, и у меня от этого все сильнее кружится голова.

Я вскочил, меня стошнило.

— Что такое? — удивился Асет. — Рыба не по нутру пришлась?

— Нет, не рыба. — Я ткнул пальцем вниз. — Земля под нами качается. О-ох!..

Теперь и Асет почувствовал: остров под нами чуть колыхался.

— Кажется, мы попали на плавучий остров... — голос у Асета дрогнул.

У меня сильно забило сердце. Мне приходилось читать о плавучих островах. Но ведь они бывают только в море!

— Плавучий остров на реке? — возразил я не очень уверенно.

Асет стал осторожно осматриваться, будто хотел и боялся увидеть что-то новое.

— А если мы уже в море? — сказал он.

— Нет!

Даже мысли такой я не мог допустить!

— Идем-ка, — сказал Асет. — Сейчас мы все узнаем.

Он привел меня к воде.

— Хлебни-ка!

Вслед за Асетом я зачерпнул воды в ладонь и отхлебнул из пригоршни. И тотчас выплюнул!

— Горькая!..

Море! Аральское... Я вспомнил из учебника географии: вода в Аральском море очень соленая, из нее даже соль добывают. Так вот куда нас успело отнести...

Мы молча вернулись к костру. И опять сидели, подкидывая в костер по веточке. Они потрескивают, чадят, и в ночное небо уходит хвост черного дыма.

А внизу пляшет огонь, то удлиняя, то укорачивая наши тени. Я пытаюсь разговорить своего молчаливого друга.

— Асет?

— Да.

— Вот если бы попали на остров Барса Кельмас...

— Ого, куда хватил! — ухмыльнулся Асет. — Он же в середине Аральского моря.

— Жили бы, как Робинзон, приручили сайгаков...

— А ты откуда знаешь про сайгаков?

— Видел по телевизору. Охоту на волков показывали — прямо с вертолетов отстреливали.

— Там, на вертолете, как раз был отец Байтемира, — сказал Асет. — Он ветеринарный врач и часто летает на остров. Сколько сайгаков перерезали волки на острове — ужас! Вот их и отстреливают.

Огонь доедал последние ветки. Мы снова пошли собирать топливо. Возвращаясь с охапкой веток, я споткнулся о какой-то корень и упал прямо в грязь. О, черт...

И тут услышал: на другом конце островка кличет Асет:

— Сагындык! Самолет!..

Не разбирая дороги, с двух разных концов островка мы помчались к костру. Теперь и я расслышал: самолет! Судя по звуку, он все ближе, почти над нами!

Вон его красная лампочка, она то потухнет, то опять вспыхнет.

Мы стали звать на помощь. Я выхватил из костра ветку и размахивал ею в воздухе.

А самолет гудел уже над самой головой. Нет, грохотал! По звуку, похоже, вертолет. Конечно, он, вот я вижу огромный силуэт летящей стрекозы.

Нужен большой огонь! Я лихорадочно хватаю ветки, сую и сую их в костер, пока он не захлебывается собственным дымом.

Вертолет пролетел мимо, вернулся. Мы опять закричали, но он мигнул красными лампочками и начал удаляться.

— Не заметил! — вырвалось у меня.

— Нет, заметил, — уверенно сказал Асет.

— Тогда почему не сбросил веревочную лестницу?

А ночь все тянулась. Мы больше не ложились, сидели у костра и механически подбрасывали ветки в огонь. Молчали. О чем было говорить? О том, что нас обманула последняя надежда? «Скоро рассвет, — успокаивал я себя. — Днем нас кто-нибудь увидит. А если не увидит? (это шептал мне другой внутренний голос). Если в море поднимется шторм? Тогда волны с рычанием накроют наш крошечный остров»...

Асет наверняка думает о том же. Но молчит, слова плохого мне не скажет. А ведь это из-за меня он попал в такую беду. А тетушка Айгуль? Она ведь уже приехала. Как же заметалась, наверное, заплакала, не найдя дома сыночка! И тут — первый раз я подумал о родителях Асета. Мои-то еще ничего не знают. А что сейчас переживает дядя Джапак?! Тоже, наверное, не спит, как и мы...

И во всем виноват я. Один!

Я взглянул на Асета: почему он вслух не упрекает меня? Но он молчит, хмуро смотрит на тлеющие угли.

И тут я увидел непонятное: костер наш угасал, а лицо Асета все больше светлело. Будто прояснялось от туч. Я удивленно уставился на него.

— Слышишь? — губы Асета расплылись в неудержимой улыбке.

Тут и до моих ушей донесся далекий рокочущий звук. Я вскочил, вглядываясь в черное небо.

— Катер это! Катер сюда идет! — крикнул Асет.

Звук и правда шел к нам низом, по воде. И становился все громче. Я увидел: кусты и ветки вокруг стали расти, тянуться куда-то, вот — кинулись вбок,

исчезли. Меня ослепило прожектором. Освещая водную рябь и остров, к нам приближался катер.

Мы с Асетом стояли рядом в белом вспыхивающем свете прожектора. В поднятой катером волне наш остров заметно колыхался.

И тут я совсем раскис. До ушей моих, как во сне, донеслись голоса. С катера на островок сошли люди. А дальше... Дальше, я ничего не помню. Когда я снова открыл глаза, то увидел, что я на катере. Дядя Джапак поддерживал мне голову. Рядом с ним, потупившись, стоял Асет. Живой и невредимый!

Я не выдержал. Столько испытал страху и ни разу слезы не проронил. А тут ткнулся головой в грудь дяде Джапаку и залился слезами, как девчонка.

...Катер мчался к берегу, оставляя позади все наши тревоги и страхи. Оставляя где-то посреди моря наш маленький остров Сагасе. Я хоть и плакал, но в душе успел попрощаться с ним с благодарностью.

И НАКОНЕЦ

Два часа дня. Мы летим на вертолете к аулу Асета.

Грохочет мотор. Летчики в кабине заняты своим делом. А я припал к окошку. Внизу все покрыто снегом, но кое-что можно разглядеть. Вон, извиваясь, течет река. А дальше еще одна. Какая же это? Карадарья или Кипчакдарья? А еще ведь есть Куньядарья, как объяснил мне Асет. Где же она? Почему-то теперь мне очень важно знать это.

Вертолет, на котором мы летим, тот самый, что кружил над островом Сагасе. Как же пилот узнал, где искать нас, спросите вы? А помните Сеита? Мы обманули его, уходя на рыбалку. Сеит поверил нам... Захватил удочки, санки и отправился к Круглому озеру. Там никого, конечно же, не было. Следы «скавали» ему, где нас искать. Но когда Сеит вышел на берег реки, увидел, что нас уносит на льдине. Он кричал нам об опасности, мы же — помните! — по глупости решили, что он торчит на берегу из зависти.

А Сеит прибежал в аул и поднял всех на ноги. Из правления колхоза дали знать в Муйнак. Дядя Джапак поехал туда на машине, чтобы организовать

поиски. На помощь, как всегда в таких случаях, пришли вертолетчики. На своей стрекозе они облетели берега Акдарьи, осмотрели устье. Но обнаружили нас уже в море. Если б не костер, пожалуй, и не нашли: наш островок был затянут туманом. Вертолетчики радировали на рыбацкий катер, где мы находимся. А дальнейшее вам известно: катер подошел к острову и забрал нас на борт.

Но одного вы еще не знаете: на этом катере вышла в ночную ловлю бригада Калли-ата. Так что первый, кого я увидел на катере, придя в себя, был именно он, дедушка Калли...

В Муйнаке, в больнице, дядя Джапак взялся за нас по-настоящему: растер все тело спиртом, и уже в постели напоил горячим чаем и дал горькое лекарство. Вы, может, думаете, что он жалел нас? Нет, пробрал! И здорово! А утром, когда усаживал в вертолет, пообещал, что еще поговорит с нами. Дома. (Сам он остался в Муйнаке — задерживали дела).

...До посадки было еще далеко, а мы уже видели разбросанные в беспорядке домики аула, белую школу.

Снижались у того самого холма, на котором Асет и его друзья устроили малышам горку для катанья. Нас будто заарканил кто-то и подтягивал понемногу вниз. Земля приблизилась, лопасти взвихрили снег, словно внизу бушевал буран.

Сели. Я смотрел в окошко: «буран» оседал на глазах, на снегу мелькали легкие тени от лопастей винта. Вот они задвигались медленнее, тяжелыми полосами, — тише, тише... Остановились.

Первым на землю прыгнул Асет, я, как всегда теперь, шел следом. Нас тотчас окружили ребята, смотрели молча, широко раскрыв глаза. Тетушка Айгуль, причитая и плача, прижала к груди Асета, потом меня. Я боялся, что она начнет бранить нас, но она не бранила. Только смеялась и плакала одновременно.

Мы простились с нашими спасителями. Летчики поднялись в вертолет. Мотор зарокотал, пошли вертеться лопасти, вот — снова погнали поземку. На какое-то время вертолет завис над землей, потом стал подниматься. Скосив в сторону хвост, он повернул обратно, в Муйнак. А мы остались внизу, окруженные толпой ребят и взрослых.

По дороге домой ребята засыпали нас вопросами.
— Где вас нашли?
— Как же выплыли?
— Очень мерзли на льдине?
— Не боялись?
— Потом, потом поговорите, — остановила их тетушка Айгуль. — Дайте им отдохнуть немного.

...В доме тепло. Все собрались вокруг дастархана. Мы пьем горячий чай, то и дело дуя в пиалы. Тихая сестренка Асета прижалась к стене и улыбается молча. Словно впервые увидела нас. А бабушка твердит одно и то же:

— Вай, верблюжата мои, вай-вай!..

А у самой слезы на глазах.

В комнату все время входят соседи. Похоже, весь аул уже знает, как мы очутились в море. Взрослые говорят с нами осторожно, словно боятся: побранишь их, а они возьмут и опять уплывут.

Меня беспокоит фотоаппарат. Вдруг он подмок? Тогда и пленка попортилась. А какие снимки были сделаны... Едва встали из-за дастархана, я открыл рюкзак. Вот счастье: аппарат лежит с самого верха. Я все-таки вынул его из футляра — нет, вода сюда не попала. Я перемотал пленку и снова зарядил аппарат.

Занятый своими делами, я не заметил, когда Асет успел отдать тетушке Айгуль нашу рыбу, когда извлек припрятанную в сене дичь. Но в доме уже кипела работа: у тетушки Айгуль сразу нашлись помощники. Один воды несет, другой рыбу чистит, третий ощипывает фазана, Байтемир разделяет зайца.

Я сфотографировал Байтемира, потом Сафаргуль и Сеита — за чисткой рыбы. Щелкнул и Асета — как он стоит посреди этой суеты в самодовольной позе.

Все говорило о том, что вечером состоится угощение, обусловленное в снежном письме. И хорошо, что взрослые занялись готовкой. Иначе, сами знаете, стали бы нудно воспитывать: «Мы в вашем возрасте были совсем другие». А может, нашелся среди них кто-то догадливый и предупредил остальных, что мы сами уже все поняли.

Кого мы побаивались с Асетом, так это Калли-ата. Он обещал приехать на угощение вместе с дядей Джа-

паком. Если и он нам не устроит головоломки, значит, все обошлось благополучно.

... На кухне шкворчит и шипит. Аппетитные запахи щекочут ноздри. А я вспоминаю, как мы жарили рыбу на острове Сагасе... Теперь все это представляется немного смешным.

... Близится вечер. Устраиваясь на ночь на карагаче, скандалят воробьи. Дует ласковый ветерок. Снег сразу потерял белизну, с крыши закапало: «чип-чип-чип».

Давно ли мы прилетели? Была еще зима. Но вот подул этот мягкий ветер, и дохнуло близкой весной. Во дворе, который мы вчера расчищали от снега, теперь жирно темнеет земля. Шагнешь и ногу не вытащишь.

Но вот в конце улицы показались дядя Джапак и Калли-ата. А с ними кто-то третий. Я как будто видел его, но где?..

Все поздоровались. Взрослые ласково улыбнулись нам, шутили. Кажется, никто не собирался нас ругать. Мы пригласили пришедших в дом. Он празднично сиял в ожидании гостей. Это Сафаргуль прибрала комнаты, расстелила дастархан.

Все расселись, как положено, усадив на почетное место старших. И тут я узнала второго гостя: завуч это, Каипназаров. Это он объявлял в школе, что Калли-ата не сможет быть на собрании. (Показалось, что все это было давным-давно!):

Я решил сфотографировать всех за дастарханом. Принес фотоаппарат и стал делать наводку.

— Ого! — сказал Калли-ата. — Этот рыжий паренек может нас снять?

— Подождите, — улыбнулся дядя Джапак. — Этот паренек не только вашу карточку, вас самого намерен увезти!

— Зачем ему понадобился такой старик? — искренне удивился Калли-ата.

— Кроме шуток, отец. Он приехал, чтобы просить вас стать почетным членом их пионерского отряда, — пояснил дядя Джапак.

— Меня?! Нет, нет. Членом отряда таких озорников я не стану, — покачал головой Калли-ата.

У меня чуть не выпал из рук фотоаппарат. Все рассмеялись. А Калли-ата ласково кивнул мне:

— Я согласен, мой мальчик. Если не в таком геройском, тогда в каком же отряде и состоять мне?

Я просиял. И спасибо Асету: он вовремя вспомнил и принес шелковый галстук, приготовленный для Калли-ата.

Я неловко завязывал его на груди рыбака, а сам удивлялся: все произошло так просто, среди веселья и шуток, без всяких торжественных речей.

Повязав галстук, я только и сказал:

— Спасибо, дедушка!

А он ответил:

— И тебе спасибо, сынок.

Завуч засмеялся:

— Вот вы и попались, отец. Теперь в Торткуль придется ехать.

— Что ж такого? Надо будет, и поеду, — серьезно ответил Калли-ата. — Ну, сынок, теперь, когда я стал членом вашего отряда, объясни, что я должен делать?

— Ничего, — сказал я. Но тут же поправился: — Это мы будем изучать вашу жизнь, равняться на нее, чтобы стать достойными вас. А если и правда найдется время и вы приедете, мы будем очень, очень рады.

— Конечно, приеду. Полечу в Нукус и заверну в Торткуль. Расскажу вам о рыбаках, о прежней их жизни, о том, как они трудятся теперь. И о себе, конечно, расскажу — все, что вам будет интересно. А пока передай от меня товарищам салям и большое спасибо.

— Хвала вам, отец! — растроганно воскликнул завуч.

Асет сунул мне в руки аппарат и шепнул:

— Я сфотографировал вас, когда ты повязывал ему галстук. Должен получиться замечательный снимок!

Внесли угощение: блюда с рыбой, мясом фазана и зайца.

— Да, кстати, кто придумал эту шутку со снежным письмом? — спросил Каипназаров.

Ребята, как по команде, посмотрели в мою сторону. Я виновато потупился. А завуч сказал, повернувшись к Калли-ата и дяде Джапаку:

— Хорошая игра. За один-два дня в ауле переделана куча дел: подметены места, какие в жизни не подметались, порублены на дрова пни, что валялись, мешая всем, вычищены хлевы.

— Добрая игра, — кивнул Калли-ата. — У нас, каракалпаков, нет такой. А у узбеков она издавна. Только, если не ошибаюсь, письма писались, когда выпадал первый снег. Или не так?

— Правда, — сказал я. — Но... мы по-своему переиначили игру. Пишем каждый раз, как выпадает снег.

После этого разговор стих: все занялись едой. В какой-то момент я оглянулся, а все смотрят на нас с Асетом и улыбаются. Оказывается, мы оба так навалились на еду, что забыли о своей роли хозяев. Я смутился. А завуч и вовсе заставил меня покраснеть.

— Вы для себя только готовили угощение или и нас имели в виду? — лукаво спросил он.

— Вас устанешь приглашать, — пришел нам на выручку дядя Джапак.

— Так раньше угощение было из вашей добычи, Джапакбай. А это из того, что добыли они сами, — степенно сказал Калли-ата и взял с блюда кусок фазаньего мяса. Держа в руке фазанью ножку, он добавил: — А пища, добытая своим трудом, всегда слаще.

Я чуть не подавился. Рядом, чувствую, весь напрягся Асет. Но Калли-ата, видно, не забыл о нашем уговоре. Как ни в чем не бывало, он принялся есть. И вдруг, откусив своими крепкими зубами мясо, поморщился, перестал жевать.

— Что это, перец? Или дробь?

И выплюнул на ладонь черную горошину. Внимательно рассмотрев ее на ладони старика, завуч подтвердил: да, дробь.

— Это вчерашний фазан? — удивился Калли-ата.

Мы с Асетом посмотрели на него с испугом. Но Калли-ата вовремя спохватился и, подмигнув нам, исправил свою промашку:

— Кто же из вас так метко подстрелил птицу?

Я кивнул на Асета.

— Хорошего петуха добыл ты, сынок, — сказал Калли-ата с лукавой улыбкой.

Вот, пожалуй, и вся история... А что было потом, спросите вы?

Потом я вернулся домой, потому что каникулы уже кончались. Как всегда весной, они пролетели слишком быстро...

Помните, я обещал отцу, что исправлю двойку по географии. Так вот, это оказалось совсем нетрудно.

Странно, но мне стало вдруг интересно читать учебник. Перед глазами оживали разные картины... А многие подробности я мог бы добавить и сам.

Словом, Курбан-ака был очень доволен моим ответом.

В комнате, над столом, у меня теперь новые «портреты»: круглым глазом смотрит зайчишка, самый обыкновенный из тех, которые водятся в наших местах; во всем великолепии своего оперения рядом с ним красуется петух-фазан, а гордый сокол бьет на лету добычу...

Наша фотогазета имела такой успех, что ее решено было повесить в зале. А в Муйнакском районе у нее появился двойник: точно такие же снимки я послал Асету.

С недавних пор отряд наш соревнуется с отрядом Асета. И условия, пожалуй, нисколько не легче, чем были тогда, в снежном письме: ни одного двоечника к концу года, а летом — трехдневный поход по родному краю. В том числе один день — путешествие на лодках по Аму (и конкурс на лучшего рыбака).

Калли-ата пока не смог к нам приехать... Много работы: этой весной у его бригады самые высокие среди рыбаков области обязательства. Но как идут дела, нам известно: мы переписываемся. Теперь у нас есть незаменимый старший друг, которому можно рассказать обо всех трудностях и заботах. И, конечно, поделиться всеми своими радостями.

А как же насчет того, чтобы мне стать писателем, спросите вы?

Пока не думаю бросать это дело... Вот, недавно записал, все то, что случилось на каникулах. Честно сказать — нелегко пришлось: мне хотелось ни в чем не отклониться от правды. А это оказалось куда труднее, чем пускаться в самые смелые фантазии...

Зато теперь могу сказать: все, что описано, я видел собственными глазами. И пережил тоже сам...

А все равно никак не решу: посылать или нет написанное в журнал?

Как посоветуете мне вы, дорогие друзья?..